

1 ан. де 111. ртено.

У ПІСІАНІ

1915 г. Пробужденіє № 1-й

1916 г. ЦЕННЫЕ ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ 3-й годъ 3-е издание.

Открыта подписка на 1916 г., на двухнедельный, роскошный дѣтскій журналъ съ картинками въ краскахъ и подарками дѣтямъ.

ЖАВОРОНОКЪ

Широкая программа, литературная и научная. Постоянное участие знаменитыхъ русскихъ писателей и ученыхъ. Большой отдѣлъ дѣтскихъ игръ, развлеченій и работъ.

Подписавшіеся на 1915 годъ получать:

24 роскошно иллюстрированныхъ выписки Литературнаго и Научнаго журнала для дѣтей, въ еженедѣльные обозрѣнія.

24 художественныхъ картинокъ въ краскахъ, на картонѣ, фототипіи, заготовкѣ и друг. для дѣтской комнаты.

16 книжекъ съ картинками: РАЗСКАЗЫ для дѢТЕЙ.

3 забавную стѣнную картину въ краскахъ. СЛѢДСТВІЕ. худ. В. Циреевъ.

Интересные подарки дѣтямъ!

АЭРОПЛАНЪ БЛЕРІО
Модель изъ составныхъ частей для склеиванія, на 4-хъ листахъ папки.

Точная **ГЛОБУСЪ** какъ научное пособие для склеиванія изъ составныхъ частей на 4-хъ листахъ папки.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
Модель здания изъ составныхъ частей, для склеиванія, на 2-хъ лист.

МУЗЕЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Модель здания для склеиванія изъ составныхъ частей, на 4-хъ листахъ папки.

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ТЕАТРЪ
Модель здания для склеив. изъ составныхъ частей на 4-хъ листахъ.

ДВИЖУЩАЯСЯ ИГРУШКА
Альбомъ вырѣзныхъ изъ папки игрушекъ-самолѣтковъ.

25 карточекъ для украшенія елки **25**
въ древне-русскомъ стилѣ, художественно исполн. ЗОЛОТОМЪ и КРАСКАМИ на 8-ми листахъ папки, для вырѣзыванія и склеиванія.

6 комическихъ гоголевскихъ масокъ **6**
для дѣтскихъ костюмированныхъ вечеровъ. Типичное исполненіе красками по рисункамъ БОКЛЕВСКАГО.
1. Петръ Петровичъ Пѣтухъ. 2. Кушанное рыло. 3. Коробочка. 4. Долгочуйъ. 5. Собакинъ. 6. Капитанъ Копѣйкинъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 5 руб.; на полгода 3 руб.; за границу 8 руб.
Пробы на высылается за 40 к. почтовыми марками.

Уед. журн. „ЖАВОРОНОКЪ“, Редакторъ-Издателъ Н. В. Корейскій.
Петроградъ, Васильевскій, 114.

Левитанъ.

У Омута.

Д. И. ПИСАРЕВЪ.

Д. И. Писаревъ

Къ 75-лѣтію со дня рожденія
извѣстнаго русскаго критика.

На высотѣ.

Разсказъ А. Серафимовича.

Онъ былъ крѣпокъ, широкоплечъ, высокъ, съ рыжими буйными волосами на головѣ. Маленькіе зоркіе глаза, не разберешь, сѣрые или голубые, смотрѣли пронзительно, впиваясь.

Среди будничной, сѣрой повседневной окружающей жизни, его жизнь проходила какимъ-то угаромъ, разгуломъ, буйно.

Бросался на кутежи и кочеваль изъ ресторана въ ресторанъ, изъ притона въ притонъ, не смыкая глазъ, съ позеленѣвшимъ лицомъ и провалившимися глазами.

И какихъ только не было столкновений, встрѣчъ, скандаловъ! Однажды кто-то бросилъ обидное замѣчаніе, а онъ опустил на голову обидчика бутылку, заливъ его кровью. Блеснули выстрѣлы, пострѣтели кинулись бѣжать, а его, раненнаго, отвезли въ тюремную больницу.

Въ другой разъ въ погребкѣ, гдѣ по ночамъ собирались и кутили воры, онъ вступился за избиваемую дѣвушку. На него накинулись съ ножами. Двери заперли. И онъ отбивался цѣлую ночь бутылками, обломками скамеекъ, и только къ утру его освободили истекающаго кровью.

То на него наплывала полоса омерзѣнія къ этой жизни. Тогда онъ заваливался у себя въ комнатѣ и читалъ безъ отдыха, безъ срока напролетъ дни и ночи.

Женщины любили его за силу, за небрежность, съ которой онъ къ нимъ относился, за неожиданную въ немъ, внезапно приходившую, трогательную нѣжность, за беспокойство, которое всегда жило въ немъ, за то, что никогда не лгалъ, а говорилъ правду прямо и рѣзко.

— Я никогда не женюсь, — говорилъ онъ отдававшимся ему, — никогда не смогу, не сумѣю быть семьяниномъ, отцомъ, мужемъ, семейный очагъ не для меня...

И немедленно-же перевѣнчался, когда любившая его дѣвушка почувствовала себя матерью.

Предаваясь кутежамъ, бросая ихъ, съ головой отдаваясь умственному труду, или скитаясь по бѣлу свѣту въ лѣсахъ, по горамъ съ ружьемъ за плечами, онъ всегда носилъ съ собой незамиравшее ожиданіе, что придетъ что-то, что и есть настоящее, долгожданное, что заполнить жизнь.

И оно пришло.

Это случилось въ тотъ день, когда онъ въ первый разъ съ инструкторомъ отдѣлился отъ земли. Аппаратъ сначала катился по

землѣ, подрагивая крыльями, потомъ разомъ, безъ толчковъ, онъ даже не уловилъ, въ какой моментъ, — отдѣлился, и земля и все, что было на землѣ, быстро стало падать въ невѣдомую бездну, до того быстро, что все сразу стало крохотное: люди—муравьи, дома—коробочки, паровозный гудокъ, какъ еле уловимый дѣтскій свистокъ, а выстрѣлъ, какъ далекій, слабый ударъ хлыста.

Они остались во всемъ мѣрѣ вдвоемъ. Далеко внизу плавала въ туманѣ голубоватая земля, и отъ нея ни звука. Вѣтеръ безумно хлесталъ въ лицо, пропало ощущение движенія, гудѣніе пропеллера потонуло въ безграничномъ молчаніи, и лишь широкими размахами качка вызывала легкую тошноту. Надъ самой головой бѣжали, клубясь туманомъ, облака. Это охватывало неизъяснимымъ волненіемъ, единственнымъ, неиспытаннымъ. Точно коснулась души первая нетронутая любовь, та же жуткость, та же новизна впечатлѣній, неизвѣданность, острота.

Инструкторъ далъ ему въ руки руль глубины. Онъ нажалъ, и... что такое? разомъ и совсѣмъ возлѣ—крыши домовъ, трубы, уличный шумъ, звонки трамваевъ. Почти мгновенно они низринулись на четыреста метровъ. Это, напоминая, смерть незримо коснулась легкимъ крыломъ.

Инструкторъ нервно вырвалъ руль и грубо выругался, и все опять снова стало падать, земля поглубѣла, а надъ головой низко неслись, клубясь туманомъ, безформенныя облака.

Съ этихъ поръ жизнь его переломилась. Эта напряженность, это постоянное ощущение за спиной легкаго дыханія смерти наполнили сердце и душу, утишили вѣчное безпокойство, ожиданія несбыточнаго. Имя его прогремѣло, какъ имя необузданно-смѣлаго, ловкаго, поразительно хладнокровнаго летчика. Достаточно было, чтобъ на афишѣ выставили: «полеты Святослава Зброннаго», чтобъ десятки тысячъ народа зачернѣли вокругъ аэродрома.

И онъ забылъ кутежи, попойки, притоны. Онъ ѣздилъ по городамъ, совершая полеты, или несся подъ облаками, побивая тысячеверстные рекорды.

Однажды утромъ онъ проснулся и съ удивленіемъ широко открылъ глаза: да, вѣдь, это все одно и то же, и вчера, и недѣлю, и мѣсяць, и годъ тому назадъ, все одно и то же. Онъ подходитъ къ аппарату, вывѣряетъ моторъ, надѣваетъ шлемъ, садится, беретъ въ руки руль, механикъ пускаетъ моторъ, гудитъ пропеллеръ, аппаратъ катится, отдѣляется, дома, крыши, улицы падаютъ внизъ, земля становится далекой.

И это каждый разъ, и это стало будничнымъ, профессиональнымъ, ремесленнымъ. Снова проснулась, подняла голову и засосала тоска ожиданія, тоска по несбыточномъ. Снова потянуло къ кутежамъ, къ бесоннымъ рестораннымъ ночамъ, къ пряной остротѣ притоновъ.

Но, все нарушая, все обезцѣнивая и опрокидывая, грянула война. Тоска, неудовлетворенность, ожиданіе несбыточнаго—все пропало гдѣ-то назадъ, какъ смутное воспоминаніе. Черезъ недѣлю Святославъ ѣхалъ въ дѣйствующую армію, въ качествѣ летчика, а аппаратъ, затянутый брезентомъ, покачивался и подрагивалъ на катившихся въ томъ-же поѣздѣ платформахъ.

Началось новое.

По ночамъ проходили мимо войска, громыхали батареи, тянулись обозы. Составивъ въ козлы ружья, солдаты сидятъ и лежатъ у потре-

скивающего костра, протягиваютъ къ огню заскорузлыя рабочія руки; у коновязей фыркаютъ лошади; справа далекое багровое зарево пошевеливаетъ слабо проступающія облака; сквозь оконце единственной уцѣлѣвшей избушки блеститъ огонекъ, и видны наклонившіяся фигуры офицеровъ надъ разостланной на скамьѣ картой, а впереди, тамъ, гдѣ врагъ, молчаливая, непроницаемая, полная угрозы темнота.

У костра негромкіе голоса, то замолчатъ, то опять перекинутся.

— У насъ только-только пшаницу стали убирать, а тутъ конный—готовься.

— У васъ рано, жара, а у насъ въ прозелень еще стояла, безъ меня ужъ убирали.

— Портянки прохудились, наскрозь протеръ.

И такъ тихо, спокойно, мирно, какъ будто на далекихъ родныхъ поляхъ послѣ трудового дня.

Днемъ другое: бухаютъ, отдаваясь въ самой утробѣ земной, далекія орудія; вѣтромъ то наноситъ явственно и четко трескотню изъ разсыпанной далеко впереди цѣпи, то относитъ, и тогда только вздрагиваетъ земля отъ далекаго буханья. *Туда* уходили батальонъ за батальономъ, на рысяхъ проѣзжали казаки, оттуда тянулись носилки, лазаретныя фуры, крестьянскія телѣги, и на носилкахъ, подъ наброшенными шинелями, какъ желе, мѣрно вздрагивало что-то при мѣрной встряскѣ шагавшихъ солдатъ съ крестами на перевязяхъ на рукавѣ. Грядки фуръ и крестьянскихъ телѣгъ были въ крови. А въ телѣгахъ качались землистыя сѣрыя головы. Иные шли, поддерживая руку или волоча ногу, шли медленно и молча,—оттрудились.

Святославъ сразу влегъ въ ляжку ежедневной трудовой напряженной работы. Съ утра рекогносцировочные полеты, а когда ворочался, все время любовно и нѣжно возилъ съ моторомъ, который никому не довѣрялъ.

А сзади точно черту провели,—по ту сторону вся жизнь со всей ея пестротой, противорѣчивостью и постояннымъ ожиданіемъ, что принесетъ что-то новое, не то счастье захватывающее, не то горечь, хлебнуть которую хватить до конца, позади вся прежняя жизнь, впереди—обреченность.

Не страхъ смерти, а спокойное, холодное чувство, что не вернется, что тутъ конецъ, и все.

— Я, братъ, высчиталъ,—весело какъ-то въ сумеркахъ говорилъ товарищъ-летчикъ, закладывая въ муфты мотора азбестовыя кольца на мѣсто износившихся,—высчиталъ: средняя продолжительность работы летчика семь съ половиною сутокъ, средняя, понимаешь ты, одни работаютъ больше, другіе меньше, а въ среднемъ семь съ половиною сутокъ, какъ въ аптекѣ.

— Что-жъ ты думаешь, къ концу войны ни одного летчика не останется?

— Ничуть, будетъ полный комплектъ.

Впрочемъ, о семи съ половиною дняхъ никто не думалъ.

Худые, съ обтянутыми лицами, съ провалившимися почернѣлыми глазами, но веселые и бодрые, всѣ дѣлали свое дѣло напряженно и точно.

По вечерамъ собираются, смѣются, шутятъ, дѣлятся впечатлѣніями дня, а въ крыльяхъ, въ станинѣ аппаратовъ, прилетѣвшихъ съ рекогносцировки товарищей, чернѣютъ пулевыя дырки, или зіяютъ рваныя шрапнельныя отверстія.

Пройдетъ два, три дня, смотришь, кто-нибудь ужъ не вернулся. Подождутъ, подождутъ, нѣтъ, и на его мѣсто назначаютъ новаго. Такъ шли трудовые, ставшіе будничными, полные не падающаго напряженія дни.

Было раннее утро. Солнце подымалось изъ-за далекаго синеватаго тумана. Небо было голубое, лишь тонкія и нѣжныя перистыя облачка воздушно сквозили въ недосыгаемой выси.

Разгоралось сраженіе. Далеко впереди бухали невидимыя орудія. Съ тыла торопливо проѣзжали зарядные ящики, двуколки съ патронами. Проскакалъ ординарецъ. Изъ-за поворота вывернулся казакъ на взмыленной лошади.

— Такъ что требуютъ въ штабъ,—доложилъ онъ, перегибаясь съ сѣдла.

Святославъ отправился.

Генераль спокойно и пристально посмотрѣлъ на него и, скупясь на слова, проговорилъ:

— Необходимо освѣтить непріятельскій тылъ, расположеніе... особенно батареи... Развѣдчика не могутъ дать, всѣ разобраны, справляйтесь сами...

И, помолчавъ и подумавъ, добавилъ:

— Отъ васъ будетъ зависѣть многое... Съ Богомъ!

Тщательно, какъ никогда, и вмѣстѣ спокойно и холодно вывѣрилъ Святославъ моторъ и сталь готовится къ полету.

«Отъ васъ будетъ зависѣть многое»... Генераль на вѣтеръ не бросалъ словъ.

По тому, какъ серьезны были лица, сосредоточены движенія, не слышно шутокъ, чувствовалось, что разворачивается грозное.

Солнце подымалось, и послѣ холодной ночи становилось жарко.

Кто-то передавалъ, видѣли, какъ только что поднявшійся съ лѣваго фланга нашъ летчикъ камнемъ упалъ за гребнемъ, на непріятельской позиціи,—сняли выстрѣлами. Ну, такъ что-жъ!..

Загудѣлъ пропеллеръ, и густымъ вѣтромъ понесло отъ него сухую траву, пыль, шапку сорвало съ солдата.

Святославъ поднялъ руку. Державшіе солдаты выпустили, механикъ приникъ къ землѣ, чтобъ не задѣло сливавшимся въ сплошной кругъ пропеллеромъ, и аппаратъ побѣжалъ по полю, какъ огромная стрекоза, отдѣлился, и все, что было кругомъ, побѣжало внизъ.

Святославъ крутой спиралью взмывалъ выше и выше, и когда глянулъ, земля необъятно расширилась во всѣ стороны, теряясь туманными краями. А надъ головой лишь синее небо, да холодное здѣсь солнце, да воздушно сквозящія, все неподвижно-недосыгаемая перистыя облачка.

Ледяной вѣтеръ хлещетъ въ лицо, всѣ земные звуки ушли вмѣстѣ съ землей, и вокругъ раскинулось великое холодное молчаніе, въ которомъ безслѣдно тонуло даже гудѣніе пропеллера, потому что его уносило вѣтромъ, и такъ привыкло ухо, что не чувствовало.

И вмѣстѣ съ этимъ надвинувшимся молчаніемъ душу Святослава охватывало знакомое ощущеніе пустынности, одиночества и отрѣзанности и вмѣстѣ страннаго, глубокаго безразличія. Онъ боялся этого состоянія, и оно медленно и мертво овладѣвало имъ.

Внизу въ бою было совсѣмъ другое. Тамъ грохотъ, шумъ и движеніе битвы. Тамъ товарищи идутъ плечо въ плечо; тамъ особое зараженіе общимъ подъемомъ, общей опасностью. Въ дыму, среди свиста

пуль, грохота орудій, треска лопающихся шрапнелей некогда думать, — надо стрѣлять, ложиться, вскакивать, бросаться въ штыки или покорно умирать. На лицахъ кругомъ боль, отчаяніе, смѣлость, беззаветное увлеченіе, радость побѣды, спокойствіе смерти, и все это, какъ на клавишахъ, играетъ въ сердцахъ сложнѣйшую мелодію человѣческой души, — думать тамъ некогда.

А тутъ въ высотѣ одиночество, точно за тобой черту провели, и просторъ мыслямъ, главное — просторъ мыслямъ. Отъ нихъ никуда не спрячешься, и все становится холоднымъ, мертвенно-спокойнымъ.

Святославъ шель на огромной высотѣ внѣ выстрѣловъ.

Внизу всѣ подробности стерлись, и лишь въ общихъ контурахъ видно было, какъ бесконечно уходили, пропадая, позиціи обѣихъ армій.

Далеко внизу и немного слѣва онъ увидѣлъ сѣрые четырехугольники, по которымъ, какъ сверканіе воды, пробѣгали вспыхивающіе на солнцѣ серебряные блески. Это наши колонны надвигались къ далекому краю, завѣшанному голубоватой дымкой не то недавняго дождя, не то смутнаго, не успѣвшаго еще разсѣяться, дыма, и сверкали невидимые отсюда штыки.

Вдругъ на краю, голубовато и таинственно задымленномъ, вспыхнула длинно и узко багровая полоса.

Снова и снова вспыхиваетъ и меркнетъ, и надъ надвигающимися посверкивающими четырехугольниками безчисленно за клубились вспыхивающія и тухнущія дымки.

Не слышно орудійныхъ залповъ непріятельскихъ батарей, не видно самихъ батарей, не слышно разрывающейся шрапнели, видно только, какъ багрово вспыхиваетъ поминутно на горизонтѣ огнистая полоса, какъ посверкиваютъ на солнцѣ длинныя колонны.

Не видно убитыхъ и раненыхъ, которые остаются за колоннами.

И врагамъ другъ друга не видно, — мѣстность между ними поднятая.

Вдругъ колонны потухли, посѣрѣли — солдаты залегли. А молчаливыя дымки клубочками неустанно вспыхиваютъ и таютъ. Опять поднялись, опять стали надвигаться длинныя колонны, опять засверкали, какъ вода, перебѣгающія блески, и багровая полоса вспыхиваетъ и меркнетъ на краю, и вспыхиваютъ дымки неслышно рвущихся шрапнелей.

На необозримомъ пространствѣ въ гробовомъ молчаніи развертывалась странная беззвучная мелодія изъ красокъ и движенія.

Святославъ увидѣлъ то, чего люди уже, можетъ быть, никогда не увидятъ; онъ увидѣлъ даже больше того, что человѣку слѣдуетъ видѣть...

.....
И онъ плылъ все дальше и дальше...

.....
А внизу все становилось яснѣе и яснѣе, — аппаратъ незамѣтно снижался. Вотъ уже видны бѣгушіе со штыками наперевѣсь сѣрыя фигуры; позади, неподвижно раскинувъ руки, лежатъ убитые, несется ура, слышны потрясающіе орудійныя залпы и взрывы лопающейся шрапнели.

Почти надъ самымъ ухомъ грохнулъ разорвавшійся снарядъ, — замѣтили, стали обстрѣливать съ батареи.

И вмѣстѣ съ этимъ звукомъ Святославъ точно проснулся, точно свалилось оцѣпенѣніе, мертвенное безразличіе. Круто повернулъ и

понесся надъ батареями, надъ бѣгущими къ окопамъ солдатами. Справа, слѣва, спереди лопаются дымки шрапнелей—по немъ стрѣляютъ отовсюду.

Разъ! Аппаратъ метнулся въ сторону, какъ испуганная птица, выправился и опять, все больше и больше снижаясь, понесся туда къ своимъ. Святославъ на секунду откинулся, почти прокусивъ губу—колѣно раздробило.

— Братцы! братцы!.. обходить... по лощинѣ... за лѣскомъ...

Ожгло лѣвое плечо, и рука обвисла. Онъ мертво застылъ на рулѣ правой... Только-бъ добраться, только-бъ сказать—обходить. Все, что онъ думалъ тамъ въ высотѣ, въ молчаніи, отдѣленный отъ людей, все пропало, стало далекимъ и чуждымъ, а были близкимъ эти доносившіеся крики ура, эти залпы, эти раненые и убитые, устилавшіе поле.

Какъ иглой обожгло грудь, и онъ сплюнулъ кровавую пѣну, ударило въ лѣвый глазъ, и по щекѣ, заливаясь за шею, побѣжало горячее. Онъ глядѣлъ однимъ глазомъ, качаясь; въ головѣ мутно пыло, по временамъ все заслоняя чернотой, потомъ опять прояснялось:

«Только-бы не въ сердце!.. только-бы не въ сердце!.. Только-бы добраться...»

И среди звона и кроваваго шума въ ухахъ вдругъ уловилъ—моторъ сталъ, перебили бензинопроводную трубку.

Вспыхнуло послѣднимъ усиліемъ сознаніе. Онъ, какъ мѣшокъ, навалился налѣво, выправилъ кренъ и, не видя къ своимъ или чужимъ, сталъ спускаться планирующимъ спускомъ. Аппаратъ запрыгалъ по землѣ. Святославъ вывалился, какъ куль. Подбѣжали солдаты.

— Обхо...дятъ... ло...щи...ной за лѣс... скор...—и голова запрокинулась.

— Эка, сердешный, всего изрѣштели. Кричи, чтобъ къ генералу отъ летчика съ донесеніемъ...

Черезъ полчаса изъ-за лѣса въ тылъ наступающей непріятельской колоннѣ, какъ ураганъ, неслись драгуны и казаки.

А на ясномъ небѣ палило горячее солнце, и неподвижно сквозили, какъ тонкіе хлопья, перистыя облачка.

А. Серафимовичъ.

Новый годъ

Мы преступаемъ снова грани
Нижѣмъ непройденныхъ дорогъ,
Надъ нами простираетъ длани
Непостижимо-грозный Рокъ.

Во дни, когда снѣга, какъ ризы,
Скрываютъ землю, каждый ждетъ,
Какіе намъ несетъ сюрпризы
Посланецъ неба—юный годъ.

Какіе онъ таитъ обманы,
Какой любви хранить напѣвъ,
Какія онъ залечить раны
И успокоить боль и гнѣвъ?

Грядущій годъ, готовъ подарки,
Людей на праздникъ позови,
Закги надъ нами свѣточъ яркій
Побѣды, мира и любви!

Юрій Zubовскій.

На Новый годъ.

Съ какою радостью, встрѣчая Новый годъ,
Мы ждемъ его приходъ лучистый обновленья
И счастье свѣтлое, а сами въ свой чередъ
Полны попрежнему грѣховнаго глумленья

Надъ ближними, которымъ дерзкій судъ
И ядъ нашъ отъ обидъ, и низкія дѣянья—
И въ этотъ Новый годъ съ отравой принесутъ
Не счастье новое, а новыя страданья.

О, братья! Будемъ-же участливы всегда
Къ страдающимъ по судьбѣ—бездольнымъ, сиротливымъ;
Не только Новый годъ, и Старый годъ тогда
Намъ будетъ радостнымъ, и свѣтлымъ, и счастливымъ!

П. Гавриловъ-Лебедевъ.

Р о д н я .

Разсказъ И. Н. Потапенко.

I.

Нѣтъ, ужъ если человѣку не везетъ, такъ во всемъ. Судьба отлично знаетъ свое дѣло и, когда рѣшить доканать человѣка, то сдѣлаетъ это безъ ошибки.

А что дьякону Гавриилу Червленному не везло, это признавала вся губернія, то-есть—понятно—ея духовное сословіе и особенно два смежныхъ между собою уѣзда, въ которыхъ всѣ приходы были заняты дьяконовскою родней: въ одномъ уѣздѣ была родня самого отца Гавриила,—тамъ на каждомъ шагу попадались Червленныя: тутъ приходскій попъ, тамъ дьяконъ, а то псаломщикъ, а то такъ даже понамарь. Всѣ они приходились ему то братьями, то дядьями, то племянниками, то мало-ли еще чѣмъ. А въ другомъ преобладала родня его жены, Надежды Прокофьевны. Эти носили фамилію Ипостасовыхъ.

И въ прежнее время эти двѣ фамиліи враждовали между собою, постоянно соперничали и по части видныхъ мѣстъ въ епархіи, и въ консисторіи, и на духовныхъ съѣздахъ. Ужъ, бывало, гдѣ встрѣтятся двое духовныхъ лицъ, изъ коихъ одно окажется Червленнымъ, а другое Ипостасовымъ—то хорошо еще, если не подерутся,—а крупный разговоръ у нихъ выйдетъ непремѣнно...

Оба рода произошли отъ двухъ, нынѣ уже перешедшихъ въ горняя селенія, почтенныхъ іереевъ, отличавшихся многоплодіемъ и передавшихъ это качество и своимъ потомкамъ. У обоихъ было по два десятка дѣтей, которыя, поженившись и повыходя замужъ, столь-же обильно размножились. И, такъ какъ всѣ они остались въ духовномъ званіи и всѣмъ имъ нужны были приходы и доходы, чтобы жить и притомъ, разумѣется, какъ можно лучше, то—естественно—они старались отбить другъ у друга всякое, сколько-нибудь лакомое, мѣстечко.

И ужъ Червленныя горой стояли за Червленныхъ, а Ипостасовы всячески отстаивали интересы Ипостасовыхъ. Лучшіе представители и тѣхъ и другихъ были и въ губернскомъ городѣ, гдѣ, занимая видныя посты, боролись за вліяніе въ консисторіи и въ архіерейской пріемной, и тоже, конечно, всячески помогали своимъ.

Но лѣтъ двѣнадцать тому назадъ между соперничающими родами былъ перекинутъ мостикъ, и перекинулъ-то его никто иной, какъ именно дьяконъ Гаврииль Червленный, который, будучи еще псаломщикомъ, женился на Ипостасовой, и такимъ образомъ примирилъ два, казавшихся непримиримыми, рода.

Да, послѣ этого, съ виду незначительнаго, событія отношенія между Червленными и Ипостасовыми какъ-то сами собой смягчились. Вѣдь, какъ ни какъ, а все-же они стали между собой родней.

И вотъ уже двѣнадцать лѣтъ онъ состоялъ дьякономъ на хорошемъ приходѣ въ торговомъ селѣ, которое ни въ чемъ не уступало любому уѣздному городу.

Это было хорошо и можно было-бы уже не считать, что ему не везетъ, если-бы, да, вотъ если-бы за эти двѣнадцать лѣтъ у него не народилось девять душъ дѣтей. Что-жъ подѣлаешь,—онъ былъ Червленный, а Надежда Прокофьевна происходила изъ рода Ипостасовыхъ, въ многоплодности нисколько не уступавшихъ Червленнымъ. Такъ ужъ это, значить, съ обѣихъ сторонъ.

Ну, и народилось ихъ девять душъ и при томъ такіе все здоровяки, что ихъ не брали никакія болѣзни. То-есть болѣзни, разумѣется, были, и корь, и скарлатина, и дифтеритъ, и оспа, и все, что полагается въ благоустроенномъ семействѣ, но все это они перенесли съ такой твердостью, какъ будто были выкованы изъ желѣза. И всѣ—живые. Двое старшихъ уже отвезены въ губернской городъ и тамъ заброшены въ духовное училище, а остальные подрастаютъ.

И вотъ, когда подумаешь, что всю эту ораву надобно кормить, поить, одѣвать и обувать, да еще и обучать, такъ невольно и согласишься, что отцу Гавріилу Червленному не везетъ.

А еще надо принять во вниманіе, что оба они молодые и здоровые люди, такъ надо думать, что у нихъ будетъ еще столько-же. Да если и тѣ всѣ будутъ такъ упорно жить, такъ тутъ не то, что дьяконскаго, а и поповскаго мѣста будетъ мало.

А тутъ случилось несчастье: въ приходѣ, гдѣ онъ служилъ, обвѣнчали какъ-то пріѣзжую изъ города пару. И оказалось, что молодые были близкой родней и вѣнчать ихъ никакъ не полагалось.

И поднялась исторія. Пошло въ губернской городъ, да къ архіерею, снарядили слѣдствіе. И въ результатѣ—дьякона Гавріила Червленнаго съ хорошаго мѣста перевели въ небольшой и довольно-таки захудалый приходъ.

Вотъ тутъ онъ и развелъ руками. Девять человѣкъ, а десятый вотъ-вотъ долженъ былъ осчастливить міръ своимъ появленіемъ на свѣтъ,—а доходы уменьшились, по крайней мѣрѣ, втрое. Что дѣлать человѣку въ такомъ положеніи?

Жизнь вообще полна задачъ, а у дьякона Червленнаго умъ былъ чрезвычайно скромный, не претендовавшій на рѣшеніе какихъ бы то ни было задачъ, хотя-бы и не слишкомъ головоломныхъ. Что-то странное представлялъ собою его мозгъ,—какъ будто онъ заснулъ давно-давно, еще въ дѣтствѣ, и никакъ не могъ проснуться, какъ слѣдуетъ. Онъ вяло воспринималъ впечатлѣнія, а реагировалъ на нихъ какъ-то слишкомъ ужъ спокойно.

Совсѣмъ другой чеканки была Надежда Прокофьевна. У нея былъ только одинъ непоправимый недостатокъ: то, что она женщина. А женщину кто-же слушаетъ? Вздумай-ка она, скажемъ, пойти къ архіерею, такъ ее, пожалуй, и не впустятъ туда.

— О чемъ хлопочете?—спросятъ.

— О мужѣ, о дьяконѣ Гавріилѣ Червленномъ.

— А онъ-то самъ парализемъ разбить, что-ли?

Такъ и скажутъ, а не можетъ-же она объяснить, что онъ, моль, отъ природы такой вялый человѣкъ и мало-ли тамъ что еще...

У нея былъ характеръ живой, дѣятельный, а умъ находчивый, изобрѣтательный. Ужъ въ какихъ только положеніяхъ ни приходилось имъ бывать, а она выпутывалась.

И теперь у Надежды Прокофьевны все было обдуманно. Когда они еще переѣхали въ Охлюстово, оглядѣла она самое село, присмотрѣлась къ прихожанамъ, поговорила съ ними, даже пересчитала ихъ, узнала, сколько доходовъ дасть каждая церковная служба, и тутъ-же поняла, что дѣла будутъ очень плохи, и обсудила и кой-что придумала.

И однажды она высказала свои мысли отцу Гавріилу.

— Дѣло наше такое, Гавріиль, что придется не иначе, какъ родню потревожить. На то они и родня, чтобы помогать своимъ, ежели бѣда случилась.

— Это, значить, просить? Христарадничать?—возразилъ дьяконъ.

— А ты думаль—приказывать, что-ли? А ужъ само собою—просить.

— Ну, вотъ я и не умѣю. Ничего у меня не выйдетъ.

И это была правда. Гавріиль, дѣйствительно, не умѣлъ просить. Такая ужъ у него странная была натура. Случалось ужъ ему, проповѣдывать, — ну, вотъ хотя-бы когда за старшаго сына Васю въ корпусъ духовнаго училища надо было платить. Поѣдетъ къ роднѣ и сидитъ часъ, другой и третій, пьетъ чай, либо ѣстъ что-нибудь, говорить обо всемъ, а о деньгахъ и не заикнется. Да такъ и уѣдетъ домой.

Такой ужъ характеръ. Совсѣмъ другое дѣло Надежда Прокофьевна. Нужно, — ну, такъ она прямо и говорить, что нужно. Чего-же тутъ стѣсняться? Можно—дадутъ, а нельзя—откажутъ, вотъ и все. И въ настоящемъ случаѣ Надежда Прокофьевна взялась сдѣлать это сама.

— Ты только потерпи малость, — сказала она, — какъ-нибудь перебьемся, пока я на ноги встану, а тамъ—попытаюсь...

Ждать пришлось недолго. Недѣли черезъ три послѣ этого разговора, Надежда Прокофьевна подарила отцу Гавріилу десятаго. Это былъ мальчуганъ, такой крѣпкій и здоровый, какъ будто родился на самомъ лучшемъ приходѣ. Послѣ этого прошло нѣсколько дней, — сколько положено. Надежда Прокофьевна покинула постель и стала готовиться къ предстоящему подвигу.

Дѣло происходило въ сентябрѣ, когда деревенскіе жители уже отдыхали отъ своихъ главныхъ работъ. Кой-гдѣ на нивахъ стояло позднее просо, все-же остальное было убрано и смолочено. А дни были такіе-же солнечные, какъ въ іюль.

— Ну, такъ вотъ, — объявила, наконецъ, Надежда Прокофьевна, — значить, оно будетъ такъ: запрягай мнѣ завтра утречкомъ бричку, а я заберу съ собой Гришу, Лизаньку, Марусеньку и маленькаго Гаврика, и въ путь. А тамъ уже видно будетъ. Дома съ остальными будетъ возиться Гапка. Съ четырьмя-то, я думаю, она управится. Поѣду сперва къ отцу Варнавѣ въ Шепелевку.

Гриша, Лизанька и Марусенька были изъ оставшихся дома старшіе, а Гаврикъ, это былъ тотъ самый, который только что родился. Его Надежда Прокофьевна, конечно, не могла оставить на рукахъ у Гапки, такъ какъ сама кормила его.

На другой день, чуть взошло солнце, вся эта компанія сидѣла уже въ бричкѣ. На козлахъ помѣщался работникъ Влась, а рядомъ съ нимъ девятилѣтній Гриша, все время добивавшійся, чтобы ему бы-и даны въ руки вожжи. Дѣвочки сидѣли на скамейкѣ противъ матери, а Гаврикъ, плотно завернутый въ одѣяло, покоился на колѣняхъ у Надежды Прокофьевны.

II.

Пыльная дорога, горячій воздухъ, капризы дѣтей, беспощадная тряска старой, разбитой по всѣмъ швамъ, брички и пространство въ сорокъ верстъ,—все это, послѣ частыхъ остановокъ, чтобы дать отдыхъ коню, и для другихъ причинъ, было побѣждено часамъ къ двумъ дня.

Отецъ Варнава былъ родственникъ со стороны Надежды Прокофьевны и носилъ фамилію Ипостасова. Конечно, если приняться основательно считать, то можно было-бы доискаться степени родства его; можетъ быть, это было и не такъ ужъ далеко, но по памяти этого нельзя было установить. Не дядя, не племянникъ, ни братъ какой-нибудь. И если-бы случайно онъ носилъ другую фамилію, то на него даже не пало-бы и подозрѣніе въ родствѣ. Но онъ былъ Ипостасовъ и это его обязывало. Всѣ Ипостасовы въ губерніи были родня и сообразно съ этимъ и чувствовали и вели себя.

И когда о. Варнава увидѣлъ въѣзжавшую во дворъ бричку отца Гавріила, а въ ней дьяконшу съ дѣтьми, то нисколько не удивился и сейчасъ-же раскрылъ родственныя объятія, а толстая попадя его, цѣлуя пріѣзжихъ, даже пролила слезу. Оба они были люди простые и тароватые. Приходъ у нихъ былъ превосходный, а дѣтей было всего двое—сынъ да дочка. Оба учились въ городѣ. Сидѣли отецъ Варнава и его матушка въ церковномъ домѣ вдвоемъ и скучали и рады были всякому гостю.

Надежда Прокофьевна сейчасъ-же начала плакаться на свою долю, рассказала о скудости доходовъ и о невозможности кормиться ими.

— Повѣрите-ли,—говорила она,—по воскресеньямъ на часточку—на сорокъ копеекъ поминанья подають... Какой-же это доходъ? Ну, настоятель нашъ, отецъ Макарій, себѣ беретъ четвертакъ, а Гавріилу моему пятнадцать копеекъ приходится. А требы, такъ это я вамъ скажу, прямо курамъ на смѣхъ. Нигдѣ такого не бываетъ. За похороны два пятака въ руки суютъ, а за крестины—три копейки. Да ужъ на что—вѣнчанье! А что они даютъ? Рубль серебра... Земли церковной Гаврюшѣ приходится семь десятинъ. А только вы, отецъ Варнава, посмотрѣли-бы, что это за земля: одинъ солончакъ, да глина... Вотъ и судите, какъ тутъ прокормиться съ восемью ртами? Ужъ я придумала: можетъ, пока обстоятельства измѣнятся, оставлю я у васъ Гришу, либо Лизаньку, и пусть поживутъ тутъ...

Отецъ Варнава и его матушка переглянулись. Они, конечно, оба понимали, что Надежда Прокофьевна пріѣхала не зря, и не даромъ-же она сразу принялась описывать свое положеніе и вычислять скудные доходы, и что придется такъ или иначе, по родственному, помочь ей.

Но ни одному изъ нихъ не представлялась помощь именно въ такомъ видѣ: взять къ себѣ мальчика или дѣвочку. Да до какихъ-же поръ? Кто-же знаетъ, сколько времени продлится опала надъ отцомъ Гавріиломъ?

И, такъ какъ молчать было неудобно и надо было какъ-нибудь откликнуться, то отецъ Варнава страннымъ образомъ заскрипѣлъ:

— Э-э-э... гм... да... того... Оно, конечно, трудно вамъ, Надежда Прокофьевна, и отцу Гавріилу тоже не легко... Нда... А только

удобно-ли будетъ дитяти? Оно къ матери, да къ отцу привыкло... Нда... Удобно-ли?..

— О, Господи! А, разумѣется, привыкло! Такъ что-жъ намъ дѣлать, отецъ Варнава? Вѣдь, никакъ не прокормиться. Я такъ уже и рассчитала: одного оставлю у васъ, другого повезу къ свекру, отцу Порфирию, а третьяго у своихъ... А ужъ съ остальными какъ-нибудь управлюсь. Вѣдь, у меня, отецъ Варнава, дома еще четверо, да Гаврикъ на рукахъ, вотъ какъ видите. А тамъ, какъ съ дѣтьми управлюсь, да у прочихъ родственниковъ пособиру кой-что на подмогу, поѣду въ городъ и буду хлопотать за дьякона моего. За что-же въ самомъ дѣлѣ напастъ такая? Пусть хоть на дѣтей посмотрятъ и ради нихъ... Ужъ поѣду. Его, дьякона, и посылать нечего, сами знаете, какой онъ рохля...

Безполезно было-бы возражать: ужъ все равно—оставить. Наговорить такихъ жалобныхъ словъ, что не будешь знать, что и отвѣтить. Такъ ужъ лучше и не сопротивляться.

А послѣ того, какъ этотъ вопросъ былъ улаженъ и ихъ накормили обѣдомъ, Надежда Прокофьевна сообщила отцу Варнавѣ, что бричку съ Власомъ придется отослать обратно домой, а ее съ остальными дѣтьми—ужъ отецъ Варнава будетъ такъ добръ—отвезуть на его лошадахъ.

— А то, знаете, мой дьяконъ тамъ безъ лошади, какъ безъ рукъ. Ахъ бѣда намъ, бѣда,—прибавила она, когда на лицѣ отца Варнавы, послѣ нѣкоторой внутренней борьбы, выразилось согласіе:—повѣрите-ли, отецъ Варнава и вы, матушка, у насъ въ домѣ пшеничной муки и щепотки не найдется. А молочное, примѣрно, творогу или масла или сметаны, такъ не видѣли съ того дня, какъ переѣхали. Коровенокъ пару перетащили, да много-ли они молока дадутъ на скудной пищѣ?

Это были намеки, которыхъ никакъ нельзя было не понять. И когда вечеромъ Власъ запрягъ отдохнувшего коня въ бричку, чтобы на ночь, не спѣша, поплестись обратно, работникъ отца Варнавы, по его распоряженію, вынесъ изъ амбара и погрузилъ на бричку мѣшокъ пшеничной муки, а матушка сама уложила въ задній ящикъ подъ сидѣнье изрядныхъ размѣровъ свертокъ, гдѣ были и творогъ, и масло, и сметана, да еще вдобавокъ нѣсколько хлѣбовъ. Все это добро Власъ повезъ въ Охлюстово.

Надежда Прокофьевна погостила у отца Варнавы еще денька два, а потомъ забрала троихъ дѣтей, прихватила еще десятирублевую бумажку, которую отецъ Варнава передалъ ей съ такой осторожностью, какъ будто дѣлалъ это тайно даже отъ самого себя. Въ дѣйствительности-же, это была тайна только отъ матушки, которая была скуповата, и онъ ее побаивался.

Выкатили изъ сарая бричку, запрягли въ нее пару лошадей и повезли гостей въ село Мотыгино, верстъ за двадцать, гдѣ діаконоствовалъ старый отецъ Порфирій Червленый, отецъ дьяконъ Гавриила.

Старый дьяконъ и не менѣе его старая жена его даже перепугались, когда увидѣли Надежду Прокофьевну съ дѣтьми.

Что такое? Ужъ не случилось-ли чего съ Гаврииломъ? Ужъ не новая-ли бѣда какая-нибудь?

Но дѣло объяснилось просто, и старики успокоились, даже обрадовались прибытію внучатъ. Они давно уже поженили всѣхъ сыновей, выдавали замужъ дочерей и вообще покончили всѣ обязанности по части дѣтводства, и одиноко доживали свои дни.

Приходь у нихъ былъ такъ себѣ, средній, но и потребности были самыя скромныя, такъ что они могли понемногу откладывать и на черный день. Здѣсь Надежда Прокофьевна загостила на цѣлую недѣлю и порядочно-таки ограбила стариковъ.

— Э, да вамъ на что?—говорила она имъ:—вы свою жизнь уже прожили. А ежели заживетесь такъ, что придется за штатъ, такъ у васъ сыновей и дочерей и не счесть. Прокормятъ.

Надежда Прокофьевна умѣла говорить убѣдительно, а старики не умѣли возражать. Ну, и пришлось имъ платиться за это, и изъ сбереженій ихъ нѣсколько красныхъ бумажекъ перешло въ сумку Надежды Прокофьевны.

А кромѣ того, она убѣдила ихъ нанять мужика съ телѣгой или, можетъ, будетъ кто ѣхать въ городъ, такъ по дорогѣ и завернетъ къ отцу Гавриилу и завезетъ мѣшокъ пшеничной муки, да гороху, да крупы разной, да яичекъ. Ничего, вѣдь, этого у нихъ нѣтъ, а дѣтей-то кормить чѣмъ-нибудь надо.

— А кого-же ты намъ оставишь, Лизаньку или Марусеньку?—спрашивали старики.

— Да кого хотите, мнѣ развѣ не все равно? Мнѣ обѣихъ жалко отдавать, да когда-жъ нужда...

Старики выбрали Лизаньку, которая была постарше и съ нею, значить, меньше возни.

Отсюда Надежда Прокофьевна поѣхала въ большое торговое село Крутогорское. Это путешествіе было самое непріятное. Лошаденки дьякона Порфирія были старыя, худыя и слабыя на всѣ ноги, телѣжка была тѣсная, безъ рессоръ, сидѣть приходилось въ самомъ ящикѣ, на кучѣ сѣна. Тащились медленно, не успѣвая даже удрать отъ пыли, поднятой колесами и лошадьми, и эта пыль всю дорогу окутывала ихъ и ложилась на платье, на волосы, на лицо. Чуть не цѣлый день плелись тридцать верстъ и пріѣхали усталые, голодные и разбитые.

Но зато самое Крутогорское доставило Надеждѣ Прокофьевнѣ большую радость. Здѣсь она расла, тутъ были знакомы ей каждая хата, каждое дерево, и мужики, встрѣчая ее, узнавали и кланялись.

И самое свиданіе ея съ отцомъ и матерью тоже было радостное. Они давненько-таки не видались.

Прокофій Ипостасовъ занималъ въ Крутогорскомъ дьячковское мѣсто. Но, несмотря на столь скромное положеніе его, сразу было видно, что онъ пользовался благоденствіемъ.

Приходь былъ завидный. Дьячекъ получалъ здѣсь больше, чѣмъ на иномъ приходѣ, ну, хотя-бы въ Охлюстовѣ, священникъ. У него и хозяйство было большое, землю онъ засѣвалъ и церковную, и арендованную.

Когда Надежда Прокофьевна подъѣхала къ церковному дому, Прокофій находился на току. Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, онъ, снявъ полукафтанье, въ одной рубахѣ, какъ добрый мужикъ, вмѣстѣ съ работниками молотилъ просо.

И тутъ ужъ Надежда Прокофьевна расписала свое положеніе, какъ слѣдуетъ. Вотъ у нихъ сколько добра, слава тебѣ Господи! А нѣтъ, чтобы подумать о бѣдной дочери, которой Богъ послалъ десятерыхъ дѣтей, да еще вдобавокъ глупаго мужа, который, какъ овца, идетъ туда, куда его гонять, и самъ для себя ничего не можетъ сдѣлать.

— И теперь выручайте, помогайте стать на ноги. Ужь когда-нибудь, можетъ, и поправимся и отплатимъ.

И такъ зачитала она родителей, что тѣ почувствовали себя глубоко виноватыми въ ея печальной судьбѣ и сейчасъ-же посулили ей и то, и другое, и третье.

Да она и сама не стѣснялась и отбирала себѣ все, что казалось ей подходящимъ для ихъ домашнихъ надобностей. Вѣдь, у нихъ, въ Охлюстовѣ, ничего не было, такъ тутъ ужь все годится: и ведро, и коромысло, и боченокъ сельдей, и вяленная рыба.

Добралась даже до варенья, котораго дьячиха наготовила на зиму большіе запасы, и до вишневки, въ которой тоже не было недостатка, и все подѣлила.

И хорошо чувствовала она себя здѣсь, вспоминая о своемъ дѣтствѣ и дѣвчествѣ, когда на рукахъ ея не было этой обузы—«малъ мала меньше», никакихъ заботъ и огорченій.

— Эхъ,—говорила она матери:—вѣкъ-бы тутъ сидѣла, да нельзя, тамъ тоже дѣти, да и Гаврюшу жалко.

И когда по прошествіи недѣли родные уговаривали ее остаться еще, она отказалась. Какъ ни плохо жилось ей въ Охлюстовѣ, а все-таки тамъ было ея гнѣздо и надо было поскорѣе устраивать его.

И вотъ опять снаряжали экипажъ—на этотъ разъ удобный и помѣстительный, и наполняли его всевозможнымъ скарбомъ—мѣшками, кулками, узлами. А кромѣ того, и въ сумку Надежды Прокофьевны попало изрядно, такъ что она везла отцу Гавриилу цѣлое богатство.

И лошади у дьяка Прокофія были молодыя, хорошо кормленные, сильныя, а путь теперь взяли кратчайшій, всего верстъ сорокъ пять, которыя къ вечеру они продѣлаютъ безъ затрудненій.

Надежда Прокофьевна оставила дѣду съ бабушкой Марусеньку, и, держа на рукахъ Гаврика, котораго ужь никакъ нигдѣ не могла оставить, двинулась въ путь.

Вечеромъ того-же дня она пріѣхала въ Охлюстово. Отецъ Гаврииль страшно обрадовался ей. Соскучился, заждался, а главное—даже то скудное хозяйство, какое у нихъ было, пришло безъ нея въ полный беспорядокъ. Когда-же Надежда Прокофьевна начала показывать ему все добро, какое вывезла изъ Крутогорскаго, да въ заключеніе вынула изъ сумки денежное богатство, собранное у родныхъ, отецъ Гаврииль радостно всплеснулъ руками. Было очевидно, что дѣла ихъ теперь пойдутъ гораздо лучше...

Но Надежда Прокофьевна на этомъ не успокоилась. Не такой у нея былъ характеръ. Переводъ отца Гавриила на скудный приходъ она, по совѣсти, считала несправедливостью и потому рѣшила добиться реабилитаціи. Недѣльки двѣ посидѣла дома, привела въ порядокъ хозяйство, достала корму для коровъ и онѣ начали давать больше молока, устроила все, что могла, при помощи добытыхъ средствъ, да и махнула въ губернской городъ на хлопоты.

Какъ ужь она тамъ хлопотала, какъ обивала пороги и благочиннаго, и консисторіи, какъ мобилизовала всѣхъ поставленныхъ высоко Червленныхъ и Ипостасовыхъ, это долго рассказывать, но своего все-таки добилась. Отца Гавриила признали неповиннымъ въ преступномъ вѣнчаніи и перевели въ лучшей приходъ. Мѣсто оказалось такое, что лучшаго и желать нельзя. И дѣла семейства Червленныхъ съ тѣхъ поръ наладились хорошо и ужь больше не портились.

И. Потапенко.

Завѣщаніе.

Посмертное стихотвореніе

А. К. Шеллера-Михайлова.

Свершивъ, какъ могъ, свое призванье,
Ни въ чемъ не каюсь со стыдомъ,
Въ своемъ предсмертномъ завѣщаньи
Прошу я только объ одномъ:

Замѣтки, письма и тетради.
Все, что я бережно храню
Воспоминаній свѣтлыхъ ради,
Да будетъ предано огню.

Пускай ничья рука чужая
Не прикоснется до того,
Что могъ лишь я беречь, считая
Святыней сердца моего.

Полуслова, полунамеки
Въ посланьяхъ дружбы и любви,
Все, въ чемъ я видѣлъ смыслъ глубокой,
Что разливало жаръ въ крови,

Восторгъ минутныхъ увлеченій,
Случайнымъ гнѣвомъ полный стихъ,
Предметомъ шутокъ и глумленій
Да не послужать для другихъ.

Пусть это все, какъ трупъ бездушный,
Въ огнѣ исчезнувъ безъ слѣда,
Въ забаву черни простодушной
Не обратится никогда!

А. Шеллеръ-Михайловъ.

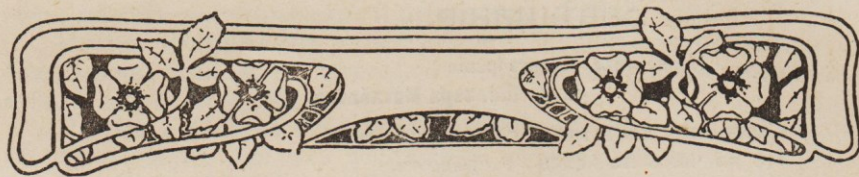
Васильки.

Пучекъ васильковъ—лучесиня кисть,
Которой окрашено небо весеннее;
Любовью и жертвою сердце очисти,
Чтобъ принять ихъ смиреннѣе.

Пучекъ васильковъ на асфальтъ урони,
Гдѣ скрещено столько путей неизбѣжности,
Порадуй того, чьи печальные дни
Безъ цвѣтовъ и безъ нѣжности.

Александръ Рославлевъ.

Плѣнный.

Разсказъ С. И. Гусева-Оренбургскаго.

Якимушку звали по уличному Сусликомъ, очевидно, за его тонкій голосокъ. Это былъ самый смиренный и забытый казакъ въ поселкѣ. Надъ нимъ смѣялись и издѣвались всѣ, кто только могъ. На сходахъ кричали:

- За Сусликомъ слово.
- Сусликъ, говори рѣчь!
- Что Сусликъ свистнетъ, такъ тому и быть!

Якимушка, хотя и обижался, вида не показывалъ. Онъ теребилъ пальцами свою пыльную клочковатую бородку и, выдавливая на рябомъ лицѣ смиренную улыбку, кротко говорилъ:

— Что-жь, старички... сусликъ тоже тварь божія, за слово ваше не обижаюсь. А правду завсегда сказать готовъ!

И такъ какъ правда его никогда не была на руку богатѣямъ, слова его встрѣчались насмѣшками и смѣхомъ:

— Ха-хха-хха!

Стремленіе къ правдѣ въ душѣ Якимушки было развито до болѣзненности. Онъ весь вспыхивалъ, загорался, какъ только видѣлъ неправду, и всегда стремился высказать то свое, что онъ почиталъ за правду. И высказывалъ, не взирая на лица, хотя и съ кротостью. За это неоднократно попадалъ онъ въ неприятныя положенія, сидѣлъ въ каталажкѣ, платилъ штрафы, но не унимался, наказанія-же сносили смиренно, какъ неизбежное зло.

— И Христось терпѣлъ за правду,—говорилъ онъ.

Когда бурнымъ шкваломъ пронеслась вѣсть о войнѣ и мобилизаціи, первымъ чувствомъ Якимушки не былъ воинственный пылъ,—онъ былъ вообще чуждъ его кроткой натурѣ,—но какой-то праздничный свѣтъ разлился въ его душѣ: всѣ вокругъ него поднялись за правду! Это такъ ярко ощущалось, это было такъ отчетливо видно. Якимушка сразу понялъ самую суть: нѣмцы напали, тѣ самые нѣмцы, у которыхъ есть свое собственное гнѣздо, а имъ понадобилось захватить чужое. Но негодованіе на нѣмецкое насилье не было такъ ярко выражено въ душѣ Якимушки, какъ радость о войнѣ за правду, вдругъ выхватившей людей изъ ихъ повседневной жизни, полной свары и вражды, и соединившую всѣхъ, добрыхъ и злыхъ, въ одну братскую семью, идущую умирать за правое дѣло. И потому онъ вдругъ сталъ говорить всѣмъ:

— Братики, братики!

И на лицо его сошла, и не уходила, кроткая веселость.

Когда ѣхали въ душныхъ поѣздахъ, какъ-то естественно вышло, что Якимушка исполнялъ всѣ порученія: бѣгаль для всѣхъ за кипят-

комъ съ громаднымъ мѣднымъ чайникомъ, покупалъ въ буфетѣ или у бабъ залежавшіяся сайки и по просьбѣ товарищей ухаживалъ за ихъ лошадьми, точилъ шашки, чистилъ винтовки. А въ промежуткахъ съ радостной улыбкой рассказывалъ:

— Дѣдушка мой, царство небесное, въ турецкую кампанію на редутахъ убитъ. Отецъ въ Манджуріи погибъ. А мнѣ на западной границѣ приведется голову сложить за правое дѣло.

И улыбка расплывалась во все его рябое лицо.

Естественно вышло и то, что въ походѣ Якимушка сталъ кашеваромъ. Немного презрительно относились къ нему казаки, особенно же начальство, за его малый ростъ, тщедушную фигурку и кроткій, незлобивый характеръ. Его почти и казакомъ не считали. Эсаулъ Скорняковъ, большебородый, тучный человѣкъ, уже сѣдой, отломавшій въ своей жизни немало походовъ, любилъ подтрунить надъ Якимушкой, добродушно, но не безъ насмѣшки.

— И чего ты, неудобный, на войну ѣдешь? Тебѣ-бы съ бабами на виноградникахъ воробьевъ пугать. Ты, поди, отъ перваго нѣмца въ кусть спрячешься.

Якимушка терпѣливо выслушивалъ шутки эсаула и кротко отвѣчалъ:

— Какъ Богъ дастъ.

Когда, подъ небольшимъ польскимъ городкомъ, вошли въ соприкосновеніе съ непріателемъ, эсаулъ вызвалъ охотниковъ ѣхать на развѣдки. Требовалось два развѣзда по шести человѣкъ, но, разумѣется, на призывъ начальника отозвалась вся сотня, потому что казаки рвались въ дѣло. Всталъ вмѣстѣ съ прочими и Якимушка, отъ котла, съ большою ложкою въ рукѣ. Онъ позабылъ положить ложку, другою-же рукой дѣлалъ подъ козырекъ и трепетно ждалъ назначенія. Эсаулъ взглянулъ на него, улыбнулся, засмѣялись вокругъ и казаки.

— Хотя вооруженіе у тебя и хорошее,—сказалъ эсаулъ,—а все-таки ты пока кашу повари, это тоже дѣло нужное.

Якимушка печально отвѣтилъ:

— Слушаю-сь.

И кротко принялся за свое дѣло.

Изъ двухъ развѣздовъ къ вечеру вернулся только одинъ, уже въ составѣ четырехъ человѣкъ: двухъ убитыхъ товарищей привезли на казацкихъ лошадяхъ. И пригнали связаннаго плѣннаго австрійца. Худощавый, какой-то весь пыльный, измученный и испуганный человѣкъ этотъ оказался словакомъ, онъ говорилъ по-русски и, по словамъ казаковъ, запрятался въ кустарникъ при самомъ началѣ схватки, и натолкнулись тамъ на него лишь случайно. Эсаулъ подвергъ плѣнника допросу и обратился къ казакамъ:

— Важныя свѣдѣнія! За болотомъ стягиваются большія силы. Радайтесь, казачки, скоро бой будетъ!

— Ужъ скорѣй-бы, ваше благородіе... руки по нѣмцу чешутся!

— А пока вотъ этого человѣка къ командиру надо представить...

Взглядъ эсаула остановился на Якимушкѣ.

Якимушка сидѣлъ у труповъ своихъ двухъ одностаничниковъ, оперевшись подбородкомъ о кулакъ, и смотрѣлъ на нихъ. Одинъ изъ нихъ, красивый, чернородый, рослый, убитъ былъ пулею въ високъ. Онъ лежалъ вытянувшись, словно на смотру, и даже въ смерти сохранялъ свой бравый видъ. Якимушка зналъ, что дома осталась у него

жена съ семью ребятами. У другого была разрублена шашкой голова, теперь прикрытая папачой. Якимушка смотрѣлъ на нихъ, не отрываясь, и лицо у него было сурово и серьезно.

— Якимъ Моревъ,—сказаль эсауль,—отведи австріяка въ ставку командующаго.

Якимушка такъ и метнулся къ лошади.

— Да смотри, не будь фефелой,—погрозилъ эсауль,—плѣнникъ важный, если убѣжить, и назадъ не являйся.

Якимушка даже сдѣлалъ испуганное лицо.

— Помилуй Богъ!

На своемъ высокомъ конѣ Якимушка казался совсѣмъ крошечнымъ, и странно было видѣть винтовку и длинную, страшную пику за спиной этого сѣраго комочка на лошадиной спинѣ. У него совсѣмъ не было молодеваатаго вида, свойственнаго казаку, онъ сидѣлъ ссутулившись и серьезнымъ и любопытнымъ взглядомъ посматривалъ искоса на шагавшаго рядомъ съ конемъ плѣнника. Плѣнникъ не шель, а волочилъ ноги, поднимая дорожную пыль, сгибаясь впередъ и смотря въ землю,—казалось, онъ прошелъ до этого по крайней мѣрѣ добрую сотню верстъ и теперь готовъ былъ упасть отъ усталости. И казалось еще Якимушкѣ, что австріякъ спитъ на ходу.

— А можетъ, это онъ только видъ дѣлаетъ?—не вѣрилъ ему Якимушка.

И подозрительно наблюдалъ за нимъ.

Впрочемъ, ѣхали улицей городка, и убѣжать тутъ было трудно. Но путь былъ далекій, ставка командира была на другомъ концѣ городка... мало-ли что могло случиться. Видъ у плѣннаго былъ безобидный, но это былъ врагъ, и Якимушка не вѣрилъ ему.

Заря погасала.

Сѣрый туманъ съ болота тушилъ ее, напоззаль съ низинъ, густою мглой окутывалъ городокъ. Улицы были пустыньны, дома имѣли вымершій видъ: они были наполовину покинуты бѣжавшимъ населеніемъ. А тѣ, кто еще таился въ нихъ, не смѣлъ высунуться на улицы, ожидая близкой грозы. Только сѣрыя тѣни солдатъ скользили по улицамъ, временами смутно проносился въ туманѣ кавалерійскій взводъ, или тяжело и недолго громыхала артиллерія, направляясь къ окопамъ. Съ пригорка, гдѣ высился старинный бѣлый костель, можно было видѣть, или скорѣе чувствовать глазомъ, что вся мѣстность вокругъ городка кишитъ войсками, и мерещились уходящія вдаль траншеи.

Якимушка вдохнулъ въ себя этотъ смутный воздухъ движенія, таинственнаго и грознаго, и оно отозвалось въ душѣ его радостью необычнаго, радостью воюющей правды. Она тамъ, въ туманѣ, оцетинилась штыками, смотреть черными жорлами пушекъ, притаилась, ждетъ своего суднаго часа. И въ душѣ Якимушки стало разрастаться нетерпѣніе.

— Скорѣй-бы... скорѣй-бы!—шепталъ онъ.

Вдругъ плѣнный споткнулся и упалъ.

Мгновенно, на перевѣсѣ, склонилась надъ нимъ пика.

— Шали-и!—крикнулъ Якимушка.

И самъ удивился дикимъ нотамаъ своего голоса.

Плѣнный медленно поднялся.

— Прости, братъ,—сказаль онъ вяло,—ноги не держуть... двое сутокъ не спалъ.

— Да ты русскій!—вскричалъ Якимушка.

И даже задержалъ коня.

— Не,—сказалъ плѣнный,—словакъ.

— Кровей-то, стало быть, нашихъ, расейскихъ?

— Словакъ,—вяло повторилъ плѣнный.

— Славянецъ, значить?

— Да.

— Австрійскаго Франца подданный?

— Да.

— По нашему-то ты здорово балакаешь.

Якимушка пылливо смотрѣлъ на него.

— А вѣры какой?

— Православной.

— Какъ же это ты, братъ,—укоризненно вскричалъ Якимушка,—на своихъ-то пошелъ... съ оружіемъ? Кровныхъ-то убивать пошелъ? Ништо мы не однихъ кровей? Ништо не одной вѣры? Ништо у насъ не одинъ Богъ?

— Богъ у насъ одинъ!—сказалъ плѣнный.

И вяло перекрестился.

— Нехорошо, нехорошо, братъ,—наставительно говорилъ Якимушка съ высоты коня,—очень даже это съ твоей стороны недоброе вѣсно. Вотъ и крестъ ты на себѣ дѣлаешь, а правды-то въ тебѣ настоящей нѣтъ. Ништо по правдѣ такъ поступать можно? На своихъ-то идти? Да ты меня вотъ колесуй, я-бы не пошелъ! Да если-бы мнѣ какой нѣмецкій царь въ своей землѣ помѣстью далъ, а я-бы потомъ пошелъ свою братью бить за того царя нѣмецкаго? Подумай-ка! Свою-то братью православную! Кровь-то свою! Правда-то гдѣ-жъ твоя? А безъ правды челоуѣку и на свѣтѣ жить нельзя!

И, проникнувшись презрѣніемъ къ такой черной измѣнѣ своей крови, Якимушка даже обругался:

— Эхъ ты... чига гостропузая!

Плѣнный поднялъ свое пыльное лицо и взглянулъ на Якимушку безцвѣтными глазами.

— Братъ, братъ,—сказалъ онъ сонно и вяло,—да я не стрѣлялъ вѣдь.

— Какъ такъ?

— Въ двухъ бояхъ былъ, одной пули не выпустилъ.

— Врешь!—сказалъ Якимушка рѣшительно и твердо,—никогда не повѣрю! Чать, за нашимъ братомъ смотрютъ тоже: чичасъ замѣтютъ, коль ружье не разряжено.

Плѣнный помолчалъ, шагая рядомъ съ конемъ.

И потомъ сказалъ тихо, какъ-то равнодушно:

— Я въ воздухъ стрѣлялъ.

— Врешь!

Плѣнный снова поднялъ свое пыльное лицо.

— Братъ, братъ... на своихъ рука-жъ не поднимается.

И опять понурился.

Но сказалъ онъ это такъ просто и убѣдительно, что Якимушка вразъ ему повѣрилъ. И вдругъ на сердцѣ его стало радостно и онъ сказалъ съ несокрушимой увѣренностью:

— Божья сила—правда-то! Она горами качаетъ. Супротивъ нея идти нельзя!

И онъ впалъ въ размышленіе.

Плѣнникъ тупо стучалъ пыльными сапогами рядомъ съ лошадыю по булыжной мостовой.

Темно стало.

Звѣзды зажглись въ небѣ.

За пустой и призрачной базарной площадью потянулася длинная улица. Дома ея пестрѣли вывѣсками, вдоль магазиновъ тянулись мостовая, тротуары. Но не горѣли фонари, нигдѣ одинаго огонька не виднѣлось.

Якимушка смотрѣлъ, какъ тупо и устало шагаетъ плѣнникъ.

Внезапно онъ остановилъ коня.

— Землякъ,—сказалъ онъ,—мотри, шибко усталъ-то?

Плѣнный стоялъ возлѣ коня согнувшись, почти доставая руками колѣни.

— Братъ, братъ,—сказалъ онъ вяло, смотря въ землю,—двое сутокъ не спалъ... двое сутокъ не ѣлъ... упасть-бы, уснуть-бы,—желвалъ онъ слова.

— Айда, сядись!—рѣшительно сказалъ Якимушка,—сядись позади меня. Отдохнешь хоть малость. Да и я скорѣй поѣду, чего по пустякамъ время тратить.

Плѣнникъ стоялъ, покачиваясь, и не отвѣчалъ.

— Э, да ты совсѣмъ спишь!—разсмѣялся Якимушка.—Ай-да-ка, другъ, въ люлечку за мою спину.

Плѣнникъ тупо повиновался ему.

Усѣвшись за спиной Якимушки, онъ обхватилъ его руками и тотчасъ-же припалъ головою къ его спинѣ. Якимушка погналъ коня. Быстро побѣжали мимо пустынные молчаливые дома, какъ будто спящіе, но отъ каждой запертой двери ихъ, изъ cadaго темнаго окна смотрѣла напряженная тревога. Вдругъ показалось Якимушкѣ, что дома какъ-то тупо вздрогнули, и точно вздрогнула вмѣстѣ съ ними земля.

Внезапно выросъ патруль.

— Что пароль?—спросилъ басовитый голосъ.

Якимушка сказалъ.

— А кто это за спиной?

— Плѣнный австріякъ. Къ командиру везу.

Поѣхалъ дальше.

И вдругъ почувствовалъ, теперь уже отчетливѣе, что снова вздрогнули дома и земля подъ нимъ. Но смутная тишина ничѣмъ не нарушалась, только вдали, гдѣ-то очень далеко, какъ будто вздохнулъ воздухъ. Якимушка замѣтилъ, что конь безпокойно и сторожко поводитъ ушами.

«Что? Гроза, что-ли, идетъ?»—подумалъ онъ.

И онъ быстрѣе погналъ коня.

Какія-то тревожныя мысли поднялись въ немъ, вспомнилася станца надъ рѣкою, покосившаяся хата на крутомъ берегу, жена...

— Какъ-то моя жармелка поживаетъ?—подумалъ онъ.

И слегка повернулъ голову къ плѣннику.

— Мотри, дома-то и жона есть?

Плѣнникъ молчалъ.

— Эй... землякъ!

Тотъ не отвѣчалъ.

Голова его скользила и болталась по спинѣ Якимушки.

Якимушка засмѣялся.

Сальваторъ Роза.

ПОЭТЪ.

— Здорово спать.

Через минуту Якимушка остановился у большого бѣлаго дома, ярко освѣщеннаго. Вблизи дома, всюду вокругъ него шло оживлен-
ное движеніе: скакали верховые, спѣшно проходили военные всѣхъ
родовъ оружія.

— Кто такой?—рѣзко спросилъ съдой военный остановившагося
у крыльца Якимушку.

И, выслушавъ его отвѣтъ, сказалъ:

— Сними его, что-же онъ сидитъ!

— Да онъ спитъ, ваше высококордіе.

И Якимушка принялся трясти плѣнника.

— Эй... землякъ!

Тотъ не отзывался.

— Проснись... слышь-ка. На отдыхъ пріѣхалъ.

Тотъ клонился къ крупу лошади, но не просыпался. Подбѣжали
солдаты и, съ шутками и смѣхомъ, мигомъ сволокли его, спящаго.
Но даже и тутъ онъ не проснулся, и его поволокли, какъ мертваго,
куда-то внутрь бѣлаго дома.

Якимушка повернулъ коня, чтобы ѣхать обратно. Внезапно въ
этотъ моментъ вздрогнула земля и бѣлый домъ. И какъ-бы глухой
раскатъ грома возникъ гдѣ-то и тотчасъ замеръ. Но еще какъ будто
дрожало все вокругъ.

— Что это?—вскричалъ Якимушка.

Взглянулъ на небо.

Вправо горизонтъ окрасился заревомъ, словно всходила тамъ
луна.

Якимушка догадался:

— Начался бой!

И вмигъ, пригнувшись къ лукѣ, онъ помчался во весь лошадиный
скокъ по улицамъ, чувствуя, какъ все чаще вздрагиваютъ дома. И ужъ
громовый гулъ все нарасталъ и приближался. И ужъ поль-неба охва-
тило зарево...

С. Гусевъ-Оренбургскій.

* * *

Ярко, ярко свѣтитъ солнце на снѣгу!..

Не могу веснѣ не вѣрить—не могу...

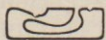
Не могу закрыть я сердце отъ лучей!..

Пусть оно зажжется солнца горячѣй,

Пусть взметнется къ небу пламеннымъ костромъ,

Пусть съ тобой мы, сердце, вспыхнемъ —и умремъ!

Г. Галина.

Психея и Прозерпина.

Этюдъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

Свѣтлое озеро есть недалеко отъ города Энны.
 Слышится вешней порой на водахъ его крикъ лебедей.
 Лѣсъ окаймляетъ его, осѣняя весь берегъ отлогій,
 Вѣтви отъ яркихъ лучей защищаютъ прозрачную воду,
 Стройная ель тамъ растеть, мощный яворъ и ломкій орѣшникъ,
 Пышновершинный каштанъ, темный лавръ, мягколистная липа,
 Звѣздчатый клень—дважды въ годъ усыпающій золотомъ землю:
 Цвѣтомъ опавшимъ—весной, поздней осенью—мертвымъ листомъ.
 Букъ, что любезень рѣзцу, твердый ясень—на дрѣвка пригодный.
 Ближе, у самой воды, наклонились плакучія ивы,
 Вѣчно зеленый самшитъ, жадно влагу впивающій лотось...
 Мирты двуцвѣтной кусты, и съ темною ягодой—тись.
 Тѣнь и прохладу землѣ густолистныя вѣтви даютъ,
 Влажное лоно земли безъ счета цвѣты производить,
 Вѣчно въ цвѣту берега—тамъ владѣнія вѣчной весны.
 Здѣсь, на тѣнистомъ лугу, любила играть Прозерпина,
 Ландышъ, фіалки рвала, сочетала ихъ съ золотомъ калты,
 Ятрышникъ—дикій цвѣтокъ—въ самой влажной тѣни находила,
 Чей ароматъ по ночамъ поцѣлуевъ сильнѣе и слаще.
 Такъ собирала цвѣты въ плетеницу изъ ивовыхъ прутьевъ
 Съ дѣтскимъ усердьемъ она: вотъ ужъ не было мѣста въ корзинѣ...
 Стала цвѣты она класть въ полы тунки легкой своей.
 Дѣвѣ хотѣлось подругъ въ собираньи цвѣтовъ превзойти:
 Стройныя ноги легко по травѣ изумрудной ступали,
 Словно большой мотылекъ отъ цвѣтка торопился къ цвѣтку.
 Дѣву въ то время увидѣлъ владыка подземнаго царства,
 Мрачный могучій Плутонъ: и въ одно мановеніе ока
 Поднялъ ее онъ съ земли и въ своей колесницѣ умчался!
 Въ страшномъ испугѣ она стала громко молить о спасеніи,
 Съ воплями звать начала свою мать и любимыхъ подругъ...
 Выпали на земь цвѣты изъ разорванной легкой одежды—
 И о пропавшихъ цвѣтахъ тогда горько заплакала дѣва—
 Такъ простодушно невинна была изъ-за юности лѣтъ!
 Страстью своей ослѣпленъ, не внималъ похититель моленьямъ—
 Гналъ колесницу свою, натянувши пурпурныя вожжи,

Бурныхъ коней погоняль крикомъ: «Нитій! Алѣкторъ! Впередь!».
И колесница, какъ вихрь, неслась по бездоннымъ озерамъ,
Вдоль Паликійскихъ болотъ, что пропитаны смрадомъ и сѣрой,
Дальше отъ лѣса родного богиню она уносила.

Нимфа Кіана была всѣхъ красивѣй изъ нимфъ сицилійскихъ:
Болѣе жизни своей Прозерпину она возлюбила...
Вмѣстѣ обычно онѣ въ лѣсахъ и долинахъ бродили,
Тамъ, гдѣ великая мать Прозерпины, богиня Церера,
Самыхъ душистыхъ цвѣтовъ насадила для радости дѣвѣ,
Гдѣ самыхъ сочныхъ плодовъ для нея были вѣтви полны.
Вмѣстѣ прозрачной водой омывали изъ емкихъ кувшиновъ
Нѣжное тѣло свое; расчесавъ шелковистыя кудри
Гребнемъ киторскаго бука, другъ другу плели онѣ косы,
Въ нихъ розмарина цвѣты или алая роза вплетали.
Слушали вмѣстѣ онѣ крупныхъ раковинъ шумъ непонятный
И на пескѣ золотомъ у воды съ лебедями играли.
Въ часъ-же, когда, утомясь, ложилась уснуть Прозерпина—
Только Кіанѣ одной—не Аліи съ большими глазами
Не сладкогласной Мелись, не золотокудрой Аматики—
Только Кіанѣ одной охранять приходилось богиню,
И, наклонясь, стерегла она дѣвственный сонъ Прозерпины,
Нѣжно касаясь рукой до чела и волосъ шелковистыхъ,
Тихою лаской своей навѣвала ей сладкій покой.

Голосъ богини узнавъ, поспѣшила на помощь Кіана:
Громко отъ горя она застонала, увидѣвъ, что случилось.
Что не сумѣла она уберечь дорогую подругу...
Именемъ вѣчной любви, также именемъ мощной Цереры,
Стала она заклинать, чтобъ оставилъ богиню Плутонъ,
Не похищаль-бы ее противъ воли у матери нѣжной.
Сыну Сатурна она преградила всѣмъ тѣломъ дорогу,
Сильно напрягшись—какъ тетива быстрометнаго лука—
Буйныхъ коней четверню подъ уздцы она смѣло схватила...
Гдѣ-же ретивыхъ коней удержать было слабой Кіанѣ?
Гдѣ было ей укротить небожителя грознаго страсть?
Сдерживать гнѣва не сталь онъ: коней, извергающихъ пламя,
Буйной рукою хлестнулъ, кони ринулись... нимфа упала...
Мощно ударилъ Плутонъ по землѣ своимъ скипетромъ царскимъ—
И разступилась земля, и открылась расщелина въ камнѣ,
Въ Тартаръ бездонный ведущая: въ ней колесница пропала.
Видѣла только Кіана испуганный ликъ Прозерпины,
Видѣла, какъ заломила въ отчаяньи руки богиня;
Голосъ успѣла услышать: «Прощай, о Кіана, прости!
Вотъ, я собирала цвѣты—и сокрою въ подземныхъ глубинахъ!».

Горькая нимфа груститъ, истекаетъ слезами Кіана...
Плачетъ о томъ, что не внялъ грозный Дій ея слезной мольбѣ:
Что Прозерпины съ ней нѣтъ... Молчаливо рыдаетъ Кіана,
Не повѣряетъ она никому неутѣшнаго горя,
Но, растекаясь въ слезахъ, превращается нимфа въ тѣ воды,
Коихъ недавно была великимъ она божествомъ.
Прежде всего у нея обращаются въ темныя струи

То, что прекраснѣй всего было—черныя кудри ея,
Смуглыя руки и ноги, и мало-по-малу все тѣло
Нимфы, прекрасной изъ нимфъ, превращается въ хладныя воды...
Плечи, и стройныя бедра, и ослабѣвшая грудь;
Крови горячей замѣнь—наполняетъ вода ея жилы:
Скоро уже ничего не осталось отъ нимфы, за что
Было-бы можно ее удержать, не пустить... вотъ—исчезла...
Только, какъ прежде, текли неутѣшныя слезы Кіаны,
Свѣтлый источникъ течетъ—весь прозрачный, горами закрытый...
Нынѣ ручей тотъ зовутъ нѣжнымъ именемъ вѣрной Кіаны.

Въ области Стикса живетъ нимфа солнечныхъ рошъ, Прозерпина.
Долго хранилъ ея ликъ выраженіе испуга и скорби,
Долго грустила она—хоть и стала могучей царицей,
Стала супругой царя—повелителя тайныхъ глубинъ.
Въ царствѣ подземныхъ глубинъ—изумленному смертному тяжело...
Нѣтъ тамъ веселаго дня,—нѣтъ и все утѣшающей ночи...
Солнца тамъ яснаго нѣтъ, но и луннаго свѣта не видно...
Дни безъ движенія текутъ—никогда тамъ ни въ чемъ измѣненія.
Кто туда съ горемъ пришелъ—остается на вѣчность съ нимъ горе,
Кто туда радость принесъ—тотъ и вѣчную радость вкушаетъ.
Часто блуждала одна Прозерпина въ обители мрачной,
Часто внимала она стонамъ вѣчной немолкнувшей муки,
Рано ушедшихъ съ земли—жалобамъ горькимъ и пенямъ,
Слышала тщетный призывъ, и стенанія, и скрежетъ зубовный,
Видѣла тѣхъ, кто ушелъ, не прощенный любимой душой...
Вѣчной разлуки тоску постигала испуганнымъ сердцемъ,
Видѣла тамъ Эменидъ, что терзаютъ преступную совѣсть...
Призраки дѣлъ роковыхъ, злодѣяній, пороковъ, ошибокъ,—
Видѣла много того, что немислимо словомъ повѣдать,
Но, увидавши хоть разъ, ужъ нельзя никогда позабыть.
Мраченъ ужасный Аидъ,—но Элизіумъ свѣтлый прекрасенъ—
Полонъ не той красоты, что въ предѣлахъ земли обитаетъ...
Стала охотно въ немъ медлить царица тѣней Прозерпина,
Въ миртовыхъ рощахъ густыхъ, озаренныхъ лазоревымъ свѣтомъ.
Вѣчно сіяетъ тотъ свѣтъ, не пронизанный золотомъ солнца,
Не затмеваемъ на мигъ проплывающей тучи движеніемъ,
Воды прозрачно текутъ безъ движенія и плеска живого...
Тѣни живущія тамъ ни печали, ни вздохомъ не знаютъ,
Тихо проходятъ онѣ между бѣлыхъ полянъ асфоделей,
Молча свивая вѣнки. Рядомъ съ ними витаютъ воздушно
Тѣни всѣхъ сладкихъ часовъ, всѣхъ прекрасныхъ мгновений земныхъ:
Свѣтлыя мысли ума, промелькнувшія ласки, улыбки—
Все это въ царствѣ тѣней просвѣтленное видится оку,
Чуждое узамъ земнымъ, отрѣшенное—вѣчно прекрасно.
Вѣчный покой тишины окружаетъ тамъ избранныхъ души...
Тѣни цвѣтовъ тамъ цвѣтутъ, красотою нездѣшной полны...
Къ нимъ Прозерпина сперва простирала съ желаніемъ руки,
Но пустоту лишь одну ея нѣжныя пальцы встрѣчали.
Пышныя кущи вѣтвей не давали спасительной тѣни,
Въ царствѣ нѣмой тишины не встрѣчалось ни звука, ни смѣха...
Безъ аромата—цвѣты, свѣтъ—безъ блеска, покой—безъ восторга.
Вотъ гдѣ царицей жила Прозерпина, связь жизни со смертью.

Ровно полгода она въ легковѣйныхъ своихъ покрывалахъ
 Рядомъ съ супругомъ своимъ, златотроннымъ Плутономъ, царила...
 Гнѣвъ его просьбою кроткой иль тихою лаской смягчала,
 Вновь прибывавшимъ тѣнямъ—обиталище Вѣчности страшной
 Свѣтомъ своей красоты несказанной она озаряла.
 Воиновъ, въ мрачный Аидъ слишкомъ рано нашедшихъ дорогу,
 Лавромъ вѣнчала она, розами—дѣвственницъ юныхъ,
 Ихъ привлекала она ласково въ свиту свою.
 Церберъ—и тотъ укрощалъ при богинѣ глухое ворчанье,
 Если касалась она своей царственно-нѣжной рукой
 Страшной его головы,—и лизалъ онъ слѣды ея стопъ.
 Ровно полгода затѣмъ, по моленью великой Цереры,
 Жить разрѣшилъ ей Юпитеръ въ объятіяхъ матери милой.
 И возвращалась она къ незабвенному солнца сіянію—
 Къ запахамъ сладкимъ земли, къ яркимъ краскамъ весеннихъ цвѣтовъ,
 Къ соку душистыхъ плодовъ и къ теплу лѣтнихъ дней благовонныхъ.
 Хоть и хранила она въ глубинѣ своихъ глазъ навсегда
 Тайну познавшихъ печаль—обитавшихъ въ подземныхъ глубинахъ,
 Но принимала, какъ даръ, золотое сіяніе солнца...

Такъ въ вѣчной смѣнѣ безсмѣнной, въ великомъ таинственномъ кругѣ,
 Шло колесо бытія: мракъ и свѣтъ, ночь и день, смерть и жизнь.

* * *

Былъ одинъ царь. И ему даровали великіе боги
 Дочь несравненной такой красоты, что въ народѣ возникъ
 Слухъ, будто это сама Афродита подъ видомъ царевны
 На землю снова сошла и въ царскомъ дворцѣ обитаетъ.
 Люди при видѣ ея съ восхищеніемъ ницъ упали,
 Почести дѣвѣ молодой, какъ богинѣ самой, воздавая.
 Больше не стали спѣшить паломники въ Книдію, въ Паѳосъ,
 Не отплывали суда и къ богатой цвѣтами Цитерѣ.
 Храмы богини пустѣли вездѣ, увядали въ нихъ розы,
 Къ небу струя не вилась благовоннаго дыма куреній,
 Не нагрѣвались ножи въ алой крови заколотыхъ агнцевъ,
 У алтарей перестали склоняться съ молитвой пришельцы,
 И голубей бѣлокрылыхъ дѣвы съ мольбой не несли.
 Гнѣвомъ великимъ тогда распалилась богиня Киприда,
 Долго искала она, наконецъ-то узнала причину.
 Сына тогда призвала, Эроса, свѣтлаго бога,
 И повелѣла ему покарать преступленье Психеи
 (Хоть и невинна была въ томъ людскомъ заблужденіи царевна).
 Быстро крылами взмахнувъ, поднялся онъ на воздухъ, и вскорѣ
 Былъ уже въ царскомъ саду, на цвѣтущихъ Аркадскихъ полянахъ.
 Тамъ, среди милыхъ подругъ, забавлялась царевна-Психея.
 Вынулъ онъ стрѣлы свои изъ колчана: ихъ было два рода:
 Тѣ, что любовь возбуждаютъ, съ острымъ блестящимъ концомъ,
 Тѣ-же, что были съ свинцомъ, тупыя—любовь прогоняли.
 Ранить подобной стрѣлой рѣшилъ сынъ Киприды Психею,
 Чтобы навѣки лишить ее дара любовь возбуждать.
 Этимъ исполнить хотѣлъ онъ велѣніе матери милой.
 Но, доставая стрѣлу, онъ взглянулъ на царевну Психею.

Так показалась ему несравненна ея красота,
Что въ изумлени онъ вздрогнулъ—и острой своею стрѣлой
Грудь оцарапалъ себѣ незвначай противъ самаго сердца.
Самъ себя ранилъ Эротъ: самъ себя побѣдилъ побѣдитель.
И на Психею руки онъ поднять не отважился болѣ.

Но красотою свсей не могла утѣшаться Психея,
Ибо въ ней видѣли всѣ лишь богиню—и ей поклонялись,
Но не рѣшался никто оскорбить ее чувствомъ земнымъ,
Юноши, мужи кругомъ—не мечтали о томъ, чтобъ Психею
Милой супругой назвать и ввести въ свѣтлый домъ, какъ царицу.
Царь, ея мудрый отецъ, самъ объ этомъ печалился много,
И порѣшилъ, наконецъ, спросить онъ оракуль Милетскій.
Мудрыхъ отправилъ пословъ на галерахъ къ святилищу Феба.
Стали, колѣна склонивъ, объ отвѣтѣ молить они бога,
Чтобъ научилъ онъ отца счастье дочери милой устроить.
Дрогнула статуя бога, лавровый вѣнецъ задрожалъ
И золотой его лукъ, и съ треножника голосъ раздался:
«Дѣву ты въ брачныхъ одеждахъ оставь на скалѣ одинокой,
Смертнаго зятя не жди, иное готовить ей рокъ.
Будеть супругомъ ея—властелинъ безопасный, могучій:
Миръ весь дрожить передъ нимъ—и самъ громовержецъ трепещеть».
Съ горестью выслушалъ царь Аполлоново вѣщее слово.
Вмѣстѣ съ царицей они покорились велѣнью бога:
Грустно, какъ будто готовясь не къ свадьбѣ—скорѣй къ погребенью,—
Дѣву они повели на утесъ одиноко-пустынный.
Звуки веселые флейтъ замѣнили лидійскимъ напѣвомъ...
Слезы свои утирала невѣста вѣнчальной фатой.
Съ нею навѣки простясь, потушивъ пламя факеловъ яркихъ,
Съ плачемъ родные ушли, оставили дѣву одну.

Мраченъ былъ голый утесъ, въ небѣ грозныя тучи сгущались:
Зная велѣнье судьбы, приготовилась къ смерти Психея,
Очи руками закрывъ, съ чудовищемъ встрѣчи ждала.
Вдругъ чьи-то руки незримыя нѣжно коснулись Психеи,
Въ страхѣ дрожавшую, дѣву подняли тихо съ земли...
Дѣва очнулась одна на мягкой просторной полянѣ:
Скрылся печальный утесъ, садъ цвѣтущій кругомъ разстилался.
Много расло тамъ цвѣтовъ, съ сладкимъ плескомъ бѣжали тамъ ручей,
Свѣтло-богатый дворецъ возвышался въ прекрасномъ саду.
«Здѣсь твое царство теперь, не дрожи и не бойся, Психея:
Здѣсь ты узнаешь любовь, ты извѣдаешь свѣтлую радость—
Если не будешь желать ты нарушить священную тайну,
Если не будешь стремиться—знать, кто возлюбленный твой».
Голосу дивному внемля, забыла царевна свой страхъ.
Въ эту-же ночь въ темнотѣ къ ней явился незримый супругъ.
Хоть не видала его, но узнала съ нимъ сладость любви,
Слышала голосъ его, и внимала утѣшнымъ рѣчамъ!
Каждую ночь съ той поры прилеталъ къ ней возлюбленный тайно,
Шелестомъ крыльевъ своихъ приближенье свое возвѣщая.
Ночь протекала въ любви: засыпала Психея съ улыбкой.
Спящую онъ покидалъ, поцѣлуемъ ей очи сомкнувъ.

Долго могла-бы Психея вкушать безмятежное счастье,
Если-бъ коварной змѣей не закралось ей въ грудь любопытство;
Ночью, однажды, когда, утомившись любовной усладой,
Первый заснулъ ея милый—зажгла она тихо свѣтильникъ,
И, наклонившись надъ спящимъ—взглянула она на супруга.
Но задрожала всѣмъ тѣломъ, узнавъ небожителя въ немъ!
Капля горящаго масла на грудь его капнула... Мигомъ
Спящій проснулся Эроть... И окончилось краткое счастье.
Въ горѣ покинулъ супругъ не почтившую тайны Психею...
Замъ онъ былъ плакать готовъ, на слезы возлюбленной глядя—
Но, сохраняя обѣтъ, онъ былъ долженъ съ Психеей разстаться.
Быстро, крылами шумя, отлетѣлъ онъ отъ плачущей дѣвы—
Только уже издалека ей кинулъ прощальное слово:
«Тайны сберечь не могла—простись-же со счастьемъ, Психея!».

Какъ рассказать о слезахъ и о скорби злосчастной царевны?
Стала безжалостно рвать она кудри свои золотыя,
Стала безъ устали бить себя въ нѣжныя перси руками,
Послѣ—рѣшила она отыскать дорогаго супруга:
Если не лаской своей, то молениемъ покорной рабыни,
Павъ на колѣни предъ нимъ, добиться прощенья себѣ.
Долго скиталась она, одиноко блуждая по свѣту,
Долго въ холодныя ночи съ зажженной лампадой бродила...
Только лишь день затмевалъ ночныя померкшія звѣзды,
Только вставала надъ міромъ въ лучахъ розоперстая Эось—
Снова шла дальше она... День за днемъ, ночь за ночью—все дальше.
Сжалились боги надъ ней, и послали ей вѣсть, наконецъ:
Что ея милый супругъ обитаетъ у матери нынѣ.
Тутъ—хоть и знала она, что разгнѣвана ею Киприда—
Къ ней порѣшила идти и молить о свиданьи съ супругомъ.
Долго терзала ее богиня насмѣшкой и гнѣвомъ,
Долго ее подвергала тяжкимъ она испытаньямъ—
Но и она, наконецъ, надъ безмѣрною сжалилась скорбью.
Такъ обратила богиня къ Психеѣ крылатое слово:
«Слушай! Тебѣ разрѣшу я любимаго сына увидѣть,
Если ты въ царство тѣней пожелаешь отправиться раньше,
Если ты мнѣ принесешь, получивши изъ рукъ Прозерпины,
Часть красоты и бессмертья царицы подземныхъ глубинъ,
Мощной царицы тѣней—въ этомъ ларцѣ драгоцѣнномъ.
Помни, опасенъ тотъ путь и для смертныхъ почти невозможенъ...
Но не свершивши его—Эроса ты не увидишь».

Склономъ покатымъ идетъ для живущихъ невѣдомый путь,
Тись осѣняетъ угрюмый безмолвную эту дорогу,
Къ смерти жилищу ведетъ она берегомъ мгlistымъ потока:
Черныя струи текутъ прямо въ воды стоячія Стикса.
Плотной стѣною встаютъ тамъ, съ земли поднимаясь, туманы.
Тѣни людей погребенныхъ нисходятъ туда непрестанно.
Ужасомъ хладнымъ полно безпредѣльное дикое мѣсто,
Въ Тартаръ открыты врата, охраняютъ ихъ дочери ночи
Можно проникнуть туда только узкимъ Тенарскимъ ущельемъ.
По безконечному склону, обвитому темнымъ туманомъ,
Полными страшнаго мрака мѣстами,—огромнымъ хаосомъ,—

Можно достигнуть въ глубокомъ молчаньи подземнаго царства
До темноводной рѣки, гдѣ съдой перевозчикъ Харонъ
Мертвыхъ въ обитель Аида на баркѣ своей перевозить.

Весь этотъ путь совершила безстрашно царевна-Психея,
И, наконецъ, очутилась она у источниковъ Леты,
Что отъ Аидовыхъ вратъ отдѣляетъ Элизіумъ свѣтлый.
Пышные маки цвѣтутъ, окаймляя спокойную Лету,
Травы растутъ, изъ которыхъ богиня сновѣющей ночи
Сокъ добываетъ волшебный, что міру забвенью несетъ.
Роши душистыя миртъ за рѣкою идутъ, а за ними
Кущи, поля и луга, залитыя лазоревымъ свѣтомъ.
И увидала Психея Элизіумъ, царство блаженныхъ...
Тамъ Прозерпина была, среди легкихъ безплотныхъ тѣней.

Только царицу узрѣвъ, преклонила Психея колѣни.
Ласково дѣву поднявъ, удивившись, спросила царица:
«Вижу, что смертная ты... Какъ ты свершила свой путь?
Что къ Прозерпинѣ тебя привело—ты повѣдай мнѣ, дѣва!».
Такъ начала свой разсказъ, ободрившись немного, Психея:
«Властью твоей, о богиня, ты можешь мнѣ счастье вернуть:
Смертную дѣву меня—полюбилъ самъ божественный Эросъ:
Краткимъ—блаженство мое по винѣ моей стало преступной...
Эросъ покинулъ меня,—и лишилась я милости бога.
Нынѣ-жъ богиня къ тебѣ посылаетъ меня Афродита,
Пѣнорожденная мать красоты и начало началъ...
Если—сказала она—ты въ глаза Прозерпинѣ не взглянешь,
Если съ тобой она мнѣ часть своей красоты и безсмертья
Въ этомъ ларцѣ не пришлетъ—возвращаться тебѣ бесполезно:
Эроса ты не увидишь—любви ты его не достойна.
Мало лазурныхъ высотъ—ты извѣдай подземныя тайны,
Только проникнувши въ нихъ, ты высоты узнаешь опять:
Безъ Прозерпины—ты—тѣнь, ты—ничто!—такъ сказала богиня.
Вотъ и пришла я къ тебѣ: въ твоей власти я нынѣ, царица!
Я, вѣдь, не вѣдала раньше, что ты мнѣ даруешь безсмертье:
Думала—только лишь тамъ, на лазурныхъ высотахъ, оно».
Такъ Прозерпина тогда отвѣчала склонившейся дѣвѣ:
«Всюду безсмертіе есть: есть и въ тайныхъ подземныхъ глубинахъ,
И на лазурныхъ высотахъ: но только въ единое сли-
в ш и с ь —

Будетъ безсмертіе полнымъ, какимъ наслаждаются боги».
«Что-же отвѣтствуешь мнѣ?—спросила царевна Психея.—
Смѣю-ль надѣяться я, и могу-ли вернуться на землю?»
Такъ Прозерпина тогда отвѣчала склонившейся дѣвѣ:
«Объ съ тобою мы здѣсь, средь тѣней мы едино живыя:
Разные только пути насъ съ тобою сюда привели.
Видишь—земные цвѣты я собирала и здѣсь очутилась,
Ты-же съ лазурныхъ высотъ въ мой пріютъ отыскала дорогу.
Но не оконченъ твой путь—и его безъ меня ты не кончишь».
Тутъ среброгвозднй ларецъ ей обратно вручила богиня:
«Вотъ, отнеси ты его отъ меня Афродитѣ великой,
Такъ совершится судьба—ты Эроса снова увидишь.
Милаго сердца тебѣ не хочу омрачить я отказомъ,

Ибо и ты, какъ и я, здѣсь съ живою душой очутилась». Снова хотѣла къ ногамъ Прозерпины склониться Психея... Не допустила богиня упасть свѣтлокудрую дѣву, Но ей объятъя раскрывъ, словно равную къ сердцу прижала. Въ очи другъ другу на мигъ взглянули богиня и дѣва... Взоръ Прозерпины проникъ скорбной тайной въ Психеины очи, Взоры Психеи на мигъ отразились въ немъ свѣтомъ лазури— Каждая будто съ другой обмѣнялась безцѣннѣйшимъ даромъ, И разомкнули онѣ въ то же время объятъя свои.

Не одинокою шла по обратной дорогѣ Психея: Къ самымъ вратамъ довела Прозерпина счастливую дѣву, Тамъ на прощаніе къ ней обратила крылатое слово: «Только на время—прости. Знай ты: кто побывалъ въ моемъ царствѣ— Видѣлъ и слышалъ вдвойнѣ, и бессмертье открыто ему: Послѣ того, какъ и ты всю извѣдала тайну глубинъ— Станешь ты равной богамъ, станешь также богиней, Психея». Такъ на крутомъ берегу отпустила богиня Психею. Долго видѣлась она свѣтозарною тѣнью, доколѣ Мрачные склоны Аида не скрылись изъ глазъ у Психеи, И всепрощающій Эросъ не принялъ въ объятъя ее.

Въ мигъ-же, когда на пиру небожителей, въ свѣтлыхъ чертогахъ, Встрѣтилась снова Психея съ царицей тѣней Прозерпиной, Руку другъ другу онѣ протянули съ веселіемъ въ сердцѣ, Чашу одну осушили амвросии съ нектаромъ сладкимъ, И обмѣнялись онѣ поцѣлуемъ, какъ нѣжныя сестры.

* * *

Радость земная влечетъ, подобно цвѣтамъ сладковѣйнымъ, Манитъ она за собой—и приводитъ насъ къ тайнымъ глубинамъ: Все-же, пока хоть на мигъ тѣхъ глубинъ не познаетъ душа— Нѣтъ совершенья пути, и любви не постигнута тайна. Все-же пока Прозерпинѣ въ глаза не заглянетъ Психея— Эросъ Психеи не приметъ, Киприда ее не простить.

Т. Щенкина-Куперникъ.

Парижъ.

Очеркъ Анатоля Каменскаго.

1.

Мимо блестящихъ магазиновъ Avenue de l'Opera, не останавливаясь, шли двое: дѣвушка въ черныхъ бархатныхъ туфляхъ и Русскій, пріѣхавшій въ Парижъ три дня тому назадъ. Кажется, онъ еще не разсмотрѣлъ ея лица, и было ей, можетъ быть, четырнадцать лѣтъ, можетъ быть, восемнадцать (тогда носили узенькія и особенно короткія юбки), но шель онъ за ней упорно уже цѣлыхъ полчаса. Онъ не преслѣдовалъ и не догонялъ ее, и разстояніе между ними не уменьшалось. Дѣвушка вела Русскаго куда-то далеко отъ бульваровъ, гдѣ въ этотъ вечерній часъ сосредоточена вся парижская толпа, и онъ думалъ, что вотъ эту самую дѣвушку любили и воспѣвали Альфредъ де-Мюссе, Верленъ, Мопассанъ. Когда они вмѣстѣ миновали круглыя темныя ворота Лувра, и передъ ними неожиданно раскрылась вся розовая и вся золотая отъ заката площадь Тюльерійскаго сада, дѣвушка, точно опьяненная лучами, пріостановилась, и Русскій, невольно догнавъ ее, увидаль ея лицо.

2.

Да, это были горячіе, красновато-коричневые глаза настоящей Иветты, и онъ видѣлъ ихъ въ первый разъ за три дня жадной и суетливой бѣготни по бульварамъ, по кафе, по магазинамъ. Да, это были губы настоящей Сюзанны, губы изысканно наивнаго и уже грѣшнаго рисунка, губы умѣвшія смѣяться и цѣловать еще въ тѣ времена, когда Лютетія не была Парижемъ. Посмотрѣвъ въ ту сторону, гдѣ, окруженный кучкой любопытныхъ, извѣстный всему Парижу старикъ кормилъ хлѣбомъ воробьевъ, дѣвушка ласково улыбнулась и, не замѣтивъ устремленнаго на себя взора своего преслѣдователя, снова пошла впередъ, а Русскій за ней. Но и теперь, хотя онъ уже зналъ ея лицо и шель уже не машинально, какъ раньше, за ея постукивающими бархатными каблучками, ему не хотѣлось сокращать разстояніе между ней и собой. Еще раза два онъ остановились: сначала передъ новой кучкой любопытныхъ, окружившихъ какого-то юношу въ беретѣ, который ползалъ по тротуару и рисовалъ карикатуры на асфальтѣ мѣломъ и угольнымъ карандашемъ; потомъ—передъ группой молодыхъ рабочихъ, устроившихъ на другомъ тротуарѣ импровизированный бѣгъ въ мѣшкахъ.

3.

Все это—и старикъ, кормившій воробьевъ, и тротуарный карикатуристъ, и рабочіе въ мѣшкахъ—вдругъ показалось Русскому чѣмъ-то необычайно интереснымъ и близкимъ, какъ будто ласковое любопытство въ глазахъ дѣвушки и добрая улыбка ея губъ сразу все примирили и разрѣшили. Да, вѣдь, это-же его родной Парижъ,

Парижъ, впитанный съ дѣтства уже въ далекой Россіи, вмѣстѣ съ курьезными заводными игрушками, пѣсенками гувернантки, истрепаннымъ томикомъ «Miserables» и даже учебникомъ Марго. Это милый русскому сердцу Парижъ, живущій на улицѣ, бѣгущій отъ перекрестка къ перекрестку, ко всему безконечно любопытный, гдѣ всѣ со всѣми знакомы, и у всѣхъ какой-то общій необыкновенно добрый дядя и очень полная добрая тетя и даже страшная «собака садовника» совсѣмъ не больно кусаетъ. И какъ бы бѣшено ни мчались автомобили, какъ бы яростно ни выкрикивали газетчики «La Presse» и «La Patrie», какъ бы угрожающе ни скашивали взгляды монмартрскіе сутенеры, Парижъ весь живетъ какой-то общей семьей, и никто никого и ничего не боится.

4.

Но тутъ Русскій потерялъ изъ виду свою Иветту. Какъ разъ вереница мчащихся автомобилей навсегда разлучила ихъ. Навсегда и на одну минуту, потому что Русскій тотчасъ же столкнулся съ другой Иветтой, такой же тоненькой, въ такихъ же чулкахъ паутинкой и даже въ такихъ же черныхъ бархатныхъ туфляхъ, ибо ихъ тогда носили всѣ парижанки. Ему показалось, что это сестра Иветты, немного старше, но еще красивѣе и еще повелительнѣе въ своемъ зовѣ за собою. И только найдя и потерявъ еще съ десятокъ Иветтъ и Сюзаннъ и вернувшись въ отель, Русскій понялъ, что вмѣстѣ съ нимъ весь Парижъ бродилъ взадъ и впередъ цѣлый вечеръ за какой-то одной Иветтой, съ однимъ и тѣмъ же лицомъ, съ единственными, неповторяемыми красновато-коричневыми глазами и губами, умѣющими цѣловать и смѣяться.

5.

Парижъ—городъ страстнаго и нѣжнаго обожанія женщины, разлитаго во все, начиная съ архитектуры «Notre Dame» и кончая витринами модныхъ магазиновъ, обожанія, повергающаго къ ногамъ женщины и подвиги ума, и творческій экстазъ художниковъ, и политическія карьеры. Вотъ почему Русскій не виноватъ въ томъ, что съ четвертаго дня своего пребыванія въ Парижѣ, и только въ Парижѣ, и только вмѣстѣ съ Парижемъ, онъ научился искать, находить и по настоящему вездѣ и во всемъ обожать женщину, видѣть въ ней искренняго, наивнаго и добраго ребенка, устанавливающаго своей довѣрчивой властью, довѣрчивымъ смѣхомъ и любопытствомъ истинные законы порядка и свободы. И, вернувшись въ Россію, онъ уже не могъ забыть и никогда не забудетъ ласковой улыбки и прозрачнаго взгляда дѣвушки, объяснившихъ ему великую и вѣчную сущность Парижа.

6.

Не потому-ли у Русскаго леденѣетъ сердце при одной мысли, что цѣлая полчища нѣмецкихъ хамовъ могутъ устремиться по улицамъ Парижа въ погоню за дѣвушкой съ прозрачными глазами и настигнуть ее гдѣ-нибудь у полуразрушенныхъ воротъ Лувра!?

Анатолій Каменскій.

ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ.

Юморескъ Ф. Червинскаго.

— Собачья жизнь!—говорилъ частному повѣренному Ярыжкину театральнѣй рецензентъ Птичкинъ, ковыляя позднимъ вечеромъ по мокрымъ плитамъ тротуара. Прежде, бывало, въ три театра забѣжишь, въ трехъ газетахъ рецензіи настрочишь—вотъ пропитаніе и обезпечено. Да и не простое, а съ большимъ количествомъ спиртныхъ напитковъ. А теперь—кому онѣ нужны—рецензіи? Все война, да война. Что я могу о войнѣ написать? Человѣкъ я въ высшей степени штатскій, да и дальше третьяго класса, если строго разсуждать, не пошелъ. Конечно, иной разъ ругнешь въ газетѣ нѣмца; я давеча на три рубля шесть гривенъ выругался—такъ, вѣдь, это что-жъ—развѣ это настоящій заработокъ? На него не разжирѣешь. Обѣдаю черезъ два дня въ третій, да и то на чужой счетъ, а жена картошкой питается. «Отощала», говорить. Какъ не отощать! Вамъ, крючкотворамъ, хорошо, а намъ чистая смерть.

Ярыжкинъ покосился на Птичкина, потомъ закрылъ красные заплывшіе глаза и криво усмѣхнулся.

— Ты такъ полагаешь? Хм. Я второй мѣсяць ни одного кліента не видалъ и ужъ забывать сталъ, какой онъ изъ себя, кліентъ-то. Исковъ нынче не предъявляютъ, потому что все одно никто платить не будетъ, а уголовныя дѣла... тьфу!.. Ты на реформу какъ смотришь?

— На какую?

— На винную.

Птичкинъ вздохнулъ.

— Вотъ какъ: давеча именинникомъ былъ—квасъ пили! Толькс для вкусу одеколону подбавили.

— Ну, вотъ. Оно тамъ съ высшей точки зрѣнія быть можетъ и цѣлесообразно, а нашему брату—крышка. Потому нѣтъ кліента и нѣтъ. Забастовали черти: ни тебѣ драки съ хорошимъ увѣчемъ, ни самоуправства пьянаго... Хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ: красть, подлецы, стали меньше. Чего-бы, кажется? Отчего-бы, напримѣръ, не украсть? Нѣтъ, и тутъ забастовали. Вѣдь, это что-жъ? Куда мы идемъ?

— Да, нехорошія времена! Это ужъ Гороховая? Другіе, глядишь, приспособились: одинъ пьесу съ нѣмцами настрочилъ, а другой такъ по военнымъ вопросамъ жарить, словно въ генеральномъ штабѣ родился: стратегически, тактически, траекторія, блиндажъ.... А я не могу.

— Чего тутъ не могу! Фефела ты, братецъ. Простудируй двѣ-три статейки, съ офицеромъ поговори — да и качай. Вотъ-де рассказывалъ

мнѣ раненый ефрейторъ—и вали, что давеча вычиталь. А ты куксишь и время зря теряешь.

Птичкинъ такъ задумался, что наткнулся на фонарь, а потомъ ступилъ въ лужу.

— Знаешь что? Спасибо тебѣ. Нынче-же засяду.

Ночью онъ разбудилъ жену и прочель ей описаніе боя.

— Это будто со словъ раненаго ефрейтора... понимаешь? «Какъ былъ взятъ городъ N.». Это заглавіе.

— Да понимаю, чего тамъ! Читай ужъ.

«Мы стояли у N. завернутымъ фронтомъ. У насъ было сто пушекъ. Шагахъ въ тридцати передъ нами чернѣли двѣсти австрійскихъ пушекъ, стоявшихъ на лафетахъ, а за ними артиллеристы и прочая кавалерія. Читатель знаетъ, что ядро летитъ по траекторіи, стало быть чѣмъ у кого больше траекторій, у того и преимущество. У насъ ихъ было порядочно, а у австрійцевъ недохватка,—оттого мы ихъ и разстрѣляли, какъ куропатокъ. Сила нашихъ выстрѣловъ была ужасна. Ядро, попавшее въ голову или въ животъ, причиняло большею частью смертельныя поврежденія. Врагъ бѣжалъ съ такой быстротой, что обгонялъ товарные поѣзда». Потомъ я разовью: подпущу психологии и прочаго.

— Пиши, Митюша, пиши, а то я вовсе отошала. У тебя хорошо вышло, по ученому. А гдѣ ты помѣстишь статейку?

— Ну, ужъ гдѣ примутъ. Въ порядочную не возьмутъ.

Птичкинъ легъ на разсвѣтъ, но спалъ безпокойно; снились траекторіи.

Ф. Червинскій.

Счастье.

Я знаю счастье, свѣтлое, какъ день.

Я знаю нѣжность, чуждую пристрастья.

Какъ хорошо дышать во имя счастья,

И въ жизнь лицомъ склоняться, какъ въ сирень!

Поетъ любовь,—июльская гроза,—

Но ей чужда и ненависть, и жалость...

И послѣ ласкъ—счастливая усталость,

Лазурный сонъ, смежающій глаза...

Во имя счастья. свѣтлаго, какъ день,

Не надо слезъ, борьбы и сладострастья...

Какъ хорошо дышать во имя счастья,

И въ жизнь лицомъ склоняться—какъ въ сирень!

Яковъ Годинъ.

Подъ шопоть грёзь.

Вальсъ, навъянный картиной Ф. Лефлера:

Соч. **О. И. Дубинина.**

Посвящается **Ел. Вл. Песковой.**

Introduction.

Tempo di valle.

Valle.

rit.

f

rit.

The musical score is written for piano and consists of six systems of music. The first system is an introduction. The second system is marked 'Tempo di valle' and includes a 'rit.' marking. The third system is marked 'Valle.' and includes a 'p.' marking. The fourth system includes a 'f' marking. The fifth system is divided into two parts, I and II, and includes a 'f' marking. The sixth system includes a 'rit.' marking. The score is written in a key signature of one sharp (F#) and a 3/4 time signature. The notation includes treble and bass clefs, notes, rests, and various dynamic and tempo markings.

Handwritten musical score for piano, consisting of six systems of staves. The notation includes treble and bass clefs, a key signature of one sharp (F#), and various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings. The score is enclosed in a decorative border.

Key markings and annotations include:

- p.* (piano) in the first system.
- * p.d.* (piano dolce) in the second system.
- * p.d.* in the third system.
- ff* (fortissimo) in the fifth system.
- ritto* (ritardando) in the fifth system.
- Andal* (Andante) in the fifth system.
- f. p. m.* (forzando piano mezzo) in the fifth system.
- ritto* in the sixth system.

Новогоднія упованья.

Статья Вл. Новоселова.

Съ Новымъ годомъ!

И не только съ новымъ календарнымъ годомъ—неограниченнымъ властелиномъ трехсотъ шестидесяти пяти дней, но съ дѣйствительными возможностями, съ новымъ строительствомъ жизни, съ новыми далями. Новъ, небывалая, великая, глядитъ въ лицо. Обновленная, бодрая, единомысленная и единокордная встрѣчаетъ Россія этотъ новый годъ.

Законченъ длинный циклъ кошмарно-будничныхъ дней, полныхъ ужаса разъединенія, внѣшней сумятицы и внутренней дремоты.

Старое изжито въ конецъ.

На смѣну долгой ночи уже встаетъ новый день.

Зачатый средь сѣрыхъ томительныхъ будней, прошедшій годъ вдругъ разомъ оборвалъ будничный кошмаръ и, неизмѣнно сѣрый въ первой половинѣ своихъ дней, явился во второй въ полномъ смыслѣ замѣчательнымъ, историческимъ годомъ. Совершился великій сдвигъ и проснулась, очнулась и закипѣла замершая жизнь и фантомы безъ лика обратились въ людей, осознали связь между собой.

Не праздны были наши мечтанья, не напрасны упованья, когда въ первомъ номерѣ «Пробужденья» за прошлый годъ, въ сумеречные дни общественного застоя и государственнаго прозябанья, мы высказывали свою вѣру, что нѣтъ такой силы въ мѣрѣ, которая могла-бы остановить движеніе впередъ, бѣгъ жизни. Мы вѣримъ въ живую душу Россіи и въ ея народъ, въ ея неиссякаемый запасъ силъ. Годъ назадъ—это была только вѣра. Теперь это непреложный фактъ: Россія въ своей могилѣ таитъ жизнь, а не плѣсень разложенія. Поверхность великой рѣки—народной жизни—была окована льдомъ, завалена сугробами, но не прекращалась внутри работа подспудныхъ силъ, творчества живыхъ струй; замерла до времени великая рѣка, чтобы потомъ смести разомъ съ себя оковы льда и вновь выйти на просторъ во всей своей царственной красотѣ. Война всколыхнула Россію отъ края до края и не оказалось въ ней «ни эллина, ни іудея», но одна великая единствомъ воли страна. Забыты недавніе распри и споры и, предъ лицомъ великой опасности, общаго врага, осознано, что только съ Россіей, въ союзъ съ ея историческими судьбами, не въ разъединеніи, а въ соединеніи съ ея народомъ, съ его творчествомъ и гениемъ, открываются равно всѣмъ и великія возможности, и свѣтлыя дали. На этотъ долго молчаливый, загадочный народъ, такъ еще недавно сбросившій съ себя крѣпостныя дѣпья, едва вышедшій на арену политической жизни и своего строительства, теперь смотритъ мѣр. Народъ герой, освободитель братскихъ племенъ, таящій въ себѣ великій запасъ непочатыхъ силъ, стоитъ теперь съ открытымъ лицомъ предъ лицомъ всего мѣра. Его гений проявилъ себя во всѣхъ областяхъ, къ которымъ ему удавалось соприкоснуться. Онъ сложилъ и скрѣпилъ крѣпость Россіи и, выйдя изъ подспудныхъ глубинъ, создалъ на удивленіе мѣру, свои непрепрекаемыя цѣнности: литературу, искусство и науку, исполненные такою любовью къ человечеству, такія величавыя въ своей простотѣ и мудрости.

Долго незнаемый Западомъ, отчужденный отъ мѣра, замкнутый, онъ, наконецъ, узналъ и черезъ него узнала Россія себя. Настоящая война тѣмъ характерна, что она носитъ новое выраженіе: она—борьба съ силой за право, поединокъ за свободную жизнь, во имя обрѣтенія самостоятельности малыхъ странъ и народовъ, борьба за свободу самоопредѣленія, за народную индивидуальность противъ обезличиванія.

Крошечныя Сербія, Черногорія и Бельгія геройски отстаиваютъ свои права независимости. О своихъ правахъ жить подъ солнцемъ мѣра, говорить на своемъ родномъ языкѣ, по своему молиться, учиться и вѣдать свои внутреннія домашнія дѣла заявляютъ всѣ народности, не утратившія своего національнаго лица. Чехи, Польша, Армения съ надеждой ждутъ близкаго часа своего воскрешенія, своей самостоятельности въ вѣрѣ, языкѣ и самоуправленіи. Мечты своего освобожденія онѣ неизмѣнно теперь связываютъ съ Россіей, съ ея народомъ, ея близостью къ нимъ рѣшаютъ свои судьбы. Не отдѣлиться отъ нея, а приблизиться, сблизиться съ нею, хотять онѣ и, оставаясь чехами, армянами и поляками, храня свое національное лицо, они стремятся быть гражданами Россіи, жить подъ ея небомъ, со своей вѣрой, своимъ языкомъ—возможностями собственнаго самоопредѣленія. «Гражданинъ великаго Рима»—звучало когда-то гордо и въ этомъ созвучіи была особая, глубокая мысль. Теперь такой смыслъ получаетъ новое наименованіе—гражданинъ Россіи—новой, правовой Россіи. Что бы ни говорили, но десять короткихъ лѣтъ жизни обновляющейся Россіи сдѣлали свое дѣло. Эта новая Россія за-

ставила повѣрять и невѣрующихъ въ ея великое будущее, въ новое строительство русскаго народа; она сумѣла, вмѣсто страха, внушить къ себѣ любовь, обратить вниманіе на цѣнности русскаго гения и творчества даже тамъ, гдѣ ими совсѣмъ прежде не интересовались. Новал эта Россія закрѣпила связь между народами, явилась ихъ спайкой и почвой для того единенія, которое теперь разомъ охватило всю Россію, всѣ племена и народы, ея населяющіе, создавъ въ годину бури одно, неразрывное, крѣпкое цѣлое.

Русская культура, существованіе которой еще недавно подвергалось сомнѣнію, тихо, безъ шума, вершила свое дѣло. Русская общественная жизнь, едва-едва вышедшая изъ пеленокъ, служила живымъ источникомъ живого сближенія разноязычной и разноплеменной Россіи, созидавая новыя начала на почвѣ терпимости, мира и любви и раскрывая подлинныя черты подлинной Россіи,—Россіи грядущаго. Русская литература, русская наука и искусство не напрасно сѣяли «доброе, вѣчное». Сѣмена не заглохли, и мы—свидѣтели ихъ всходовъ, обещающихъ такую пышную жатву.

Въ великую годину испытанія, въ часъ грозной бури—не злоба и челоуѣконе-навистничество сплотили Россію, но тотъ призывъ къ любви и братству, которымъ были одухотворены всегда и русская литература, и русскія искусство и наука, и воспитавшееся на нихъ русское общество. Страшные дни стали свѣтлыми днями покаянья, стыда за прошлыя грѣхи, и наступилъ часъ раскаянья. Свершилось несовершенное вѣками: исчезла не только бывшая пьяная Россія, но и ея пьяный бюджетъ. Наступило отрезвленіе, и физическое, и моральное. Спала дремота и пали пути съ общественной жизни. Вмѣсто дряблости и нерѣшительности, закипѣла содружная работа, и тяготы войны нашли раздѣленіе. Общественныя силы пришли на помощь государству и проявили разомъ непочатый запасъ живыхъ силъ, способность къ дѣйствию и планоуѣрную организацію. Сплотились всѣ силы общества, всѣ классы, всѣ народности, и союзъ живыхъ душъ творить то, что мы видимъ теперь. Радостно, исполняя долгъ по отношенію къ родинѣ, идетъ въ ряды народной арміи и самоотверженная юность, и всѣ, кто можетъ носить оружіе. Идутъ не только по призыву, но идутъ добровольно. Тысячи дѣвушекъ и женъ добровольно берутъ на себя раздѣленіе ихъ тяжкаго труда; оставшаяся молодежь въ короткій мигъ приспособляется къ дѣлу помощи и заботы о страдальцахъ войны и ихъ семей. Общій крестъ сравнялъ вѣковую пропасть между сермяжной и интеллигентной Россіей и черезъ эту пропасть общая любовь къ родинѣ перекинула спасительный мостъ. Всюду одинъ подъемъ, окрыленье, готовность жертвы. На разныхъ языкахъ говорятъ люди, по разному молятыя, но у всѣхъ одна дума, одна вѣра въ побѣду и въ грядущее за ней—радостное, свѣтлое. Россія осознала себя и осознали себя въ ней, живущіе подъ ея небомъ народы, свою кровную и духовную близость къ ней, просвѣтленной и братской. Исчезли «жупель»: «сепаратисты», поляки, украинцы, армяне и татары, мусульмане, эсты и евреи явились русскими гражданами; исчезли и «русскіе», взявшіе монополію казаться русскими,—націоналисты въ русскіхъ маскахъ—и «союзъ русскаго народа» сдѣлался ненужной бутафоріей предъ единеніемъ всей Россіи, готовой на всѣ подвиги, на всѣ жертвы. Война смела всю бутафорію, какъ ураганъ сметаетъ пыль. Стойкій призракъ «страшнаго сепаратизма» обратился въ миоу предъ фактами; всякую почву потеряли тѣ злыя извѣты и клеветы, въ которые не вѣрили сами клеветники, но въ которые повѣрилъ нашъ врагъ, объявляя войну, полагая, что онъ застигнетъ Россію врасплохъ, объятаю распрями и измѣной.

Взаимодѣйствіе этихъ новыхъ фактовъ и должно составить основу чего-то дѣйствительно новаго, небывалаго въ лѣтописяхъ исторіи. На этой основѣ—единенія и содружества—всѣхъ живыхъ творческихъ силъ—испытанныхъ союзниковъ въ годину бѣдствій—уже чертитъ свой узоръ строительство новой жизни. Жизни, а не прозябанья, не склепа, не застѣнка, а свѣтлаго храма.

Послѣ ужасовъ и разрухи войны строительство неизбѣжно, но оно явится только тогда дѣйствительно новымъ и великимъ, когда оно будетъ творческимъ созиданіемъ, когда вся Россія, такъ полно взявшая на себя тяготы войны, будетъ привлечена къ нему. Великія возможности, безпредѣльныя дали открываются предъ нею, когда «кузнецомъ» своего счастья явится весь народъ, уже осознавшій себя гражданиномъ, частью ея души. И мы вѣримъ въ эти великія возможности, привѣтствуемъ эти дали. Уготованный часъ уже близко. Уже пылаетъ предразсвѣтная заря, и лучами восхода озолочено все кругомъ.

Солнце всходитъ—солнце разума Россіи, обрѣтенъ дѣйствительно новаго счастья!

Съ Новымъ годомъ! Съ озаренными днями, съ безбрежно-ясными далями!

Вл. Новоселовъ.

Памяти Д. И. Писарева.

Очеркъ Н. Д. Носкова.

Если-бы Писаревъ дожилъ до этого года, то ему-бы исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ. Возрастъ почтенный, но вовсе не исключительный въ человѣческой жизни. Но уже, видно, такъ повелось, что «русскій геній издавна вѣнчаетъ тѣхъ, которые мало живутъ». Юношей въ полномъ смыслѣ, едва начавъ свой литературный и жизненный путь, Писаревъ разомъ свелъ всѣ итоги, и надъ окрыленными днями уже виталъ призракъ безкрылой смерти, сторожившей свою жертву. Она взяла его въ полномъ расцвѣтѣ силъ, безъ думы о ней, безъ недужной борьбы. Пришла разомъ и одолѣла разомъ. И въ этой роковой схваткѣ одинъ на одинъ, безъ постороннихъ свидѣтелей (Писаревъ умеръ внезапно, утонувъ, купаясь въ морѣ), было что-то фатальное, злое. Еще юность не кончилась, еще жизнь не началась, какъ наступилъ послѣдній конецъ. То, какое впечатлѣніе произвела эта смерть среди окружающихъ, какъ подѣйствовала она страшно на окружающихъ, выражено такъ ярко и образно Некрасовымъ:

«Не рыдай такъ безумно надъ нимъ»... «Хорошо умереть,—умереть молодымъ».

Поэтъ досказалъ, почему хорошо умереть молодымъ. Это потому, что «безопасная пошлость ни тѣни положить не успѣла на почившемъ, потому что «опытъ—умъ глупцовъ» былъ чуждъ еще юношескому сердцу, не охладилъ его порывовъ, не остудилъ жара его души, не убилъ честной прямоты его мысли, юнаго рыцарскаго благородства.

Писаревъ могъ заблуждаться, ошибаться, но всѣ его заблужденія, всѣ ошибки, всѣ грѣхи искуплены неподкупной честностью мысли, честностью сердца, стремительнаго, горячаго, но всегда искренно любящаго, искренно ненавидящаго. Съ его страницъ—юность слышится и юность свѣтится—запальчивая, страстная, вѣрящая въ ту непреложную истину, которой она владѣетъ и внѣ которой нѣтъ для нея другой истины. То, что такъ идетъ къ юности, не идетъ съдиномъ старца, ибо два эти возраста взаимно исключаютъ другъ друга, и потому-то мы не можемъ представить себѣ Писарева инымъ, чѣмъ тѣмъ юношей, какимъ онъ выявился такъ полно, такъ ясно на страницахъ своихъ недоговоренныхъ сочиненій.

Несомнѣнно, что съ теченіемъ лѣтъ появился-бы другой Писаревъ, но этого другого мы не знаемъ и гадать о немъ не имѣемъ права; непреложно одно, что остановиться на томъ, что онъ далъ, Писаревъ не могъ-бы, ибо въ немъ были всѣ задатки, всѣ возможности для дальнѣйшаго развитія. Но и то, что онъ совершилъ за короткую пору своей дѣятельности, цѣнно и само по себѣ, и особенно цѣнно для характеристики молодого поколѣнія начала шестидесятыхъ годовъ. Его вѣрнымъ знаменосцемъ и явился Писаревъ. Онъ былъ его душой, кипучимъ выраженіемъ еще сконцентрированной мысли, еще не выполненной думы. И эта позиція Писарева особенно выразилась ярко въ знаменитомъ спорѣ отцовъ и дѣтей, возгорѣвшася по поводу тургеневскаго Базарова. Базаровъ былъ отвергнутъ критикой. Въ передовомъ «Современникѣ» въ тургеневскомъ героѣ былъ опознанъ не человѣкъ, а «какое-то ужасное существо, просто дьяволъ, или, выражаясь болѣе поэтически, асмоней»; Базаровъ былъ нареченъ «ядовитымъ существомъ», признанъ карикатурой на молодое поколѣніе. Романъ критика развѣнчала. Но молодое поколѣніе, въ лицѣ Писарева, новые «мыслящіе реалисты» иначе отнеслись къ Базарову. Они приняли его, наименовавъ «однимъ изъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія», нашли въ немъ человѣка замѣчательнаго ума, стоящаго выше общаго уровня. Диагнозъ базаровщины, какъ болѣзни, былъ поставленъ мѣтко тѣмъ-же Писаревымъ: она *болѣзнь* времени и ее надо *выстрадать*, несмотря ни на какія палліативы и ампутаціи. Развѣнчанный критикой, Тургеневскій романъ нашелъ единственнаго истолкователя въ представителѣ новаго теченія, отрицателѣ того «кошмара», которымъ позднѣе Писаревъ объявилъ эстетику. Во имя

этого отрицания, во имя борьбы съ этимъ «кошмаромъ» онъ не остановился ни передъ чѣмъ, круша преданіе и авторитеты; реализмъ—лозунгъ Писарева и всѣ цѣнности, не подходящія къ этому критерию, отменены. Отменены и «чистая наука», и «чистое искусство», разъ онъ являются самодовлѣющими цѣнностями, не имѣютъ непосредственнаго приложенія къ жизни, не помогаютъ ея движенію впередъ. Чистая наука объявляется схоластикой, чистое искусство—«кошмаромъ». Освобожденіе отъ «схоластики» и «кошмара»—задача Писарева, ибо они пришибаютъ, угнетаютъ и мысль, и жизнь, и свободную личность человѣка. Противъ нихъ объявляется крестовый походъ. Развѣнчивается во имя реализма Пушкинъ, развѣнчивается Пастеръ, подвергаются критикѣ, казавшіеся безапелляціонными, приговоры Бѣлинскаго. Зло высмѣивается литература, выводящая героевъ-бездѣльниковъ, вмѣсто работниковъ и борцовъ за общественное благо, за право сознательной жизни. Нѣтъ полумѣръ; полусловъ, полурѣшеній Писаревъ не знаетъ. Онъ на все дерзаетъ и въ «подвигахъ авторитетовъ»—русскихъ и европейскихъ—не видитъ никакой цѣнности, принимаемой на вѣру. Время давно выяснило, что въ спорѣ, поднятомъ Писаревымъ, побѣды не на его сторонѣ. Пастеръ оказался Пастеромъ, не самозванной выскочкой. Отрицаніе Пушкина не отринуло, но приблизило поэта къ русскому обществу, дало толчокъ, къ изученію его. Писаревскій суровый приговоръ надъ Гончаровымъ не получилъ также законной силы; эстетика, такъ ненавидимая Писаревымъ, дѣйствительно, на долгое время стала синонимомъ рутины, привычки; исторія, исключенная Писаревымъ изъ цикла наукъ, не только осталась, но и широко развернулась.

Писаревъ ошибся, но не ошибся онъ въ томъ, что только послѣ его крестоваго похода стала необходимой новая переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Онъ заставилъ ее предпринять, бросивъ сѣмена, жатву-же сняли уже другіе. И, съ этой точки зрѣнія, его произведенія особенно любопытны. Любопытны не своими разрѣшеніями вопроса, а ихъ постановкой, смѣлостью ея. Они сами по себѣ, независимо отъ ихъ рѣшеній и выводовъ, исторически и психологически цѣнны. Онъ живые, человѣческіе документы, выданные представителемъ одной изъ любопытнѣйшей полостей русской жизни. Во всѣхъ ихъ уклоненіяхъ и преувеличеніяхъ, страстной горячности, темнящей истину—одно желаніе сильной души выйти изъ тупика, взлетѣть ея навстрѣчу новому среди униженія и безличности. Творчество Писарева—это борьба за индивидуальность личности на фонѣ той дѣйствительности, которую вполнѣ такъ реально позналъ Писаревъ и его поколѣніе, отрѣшавшаяся отъ всѣхъ путей преданія и авторитетовъ. Закрѣпощенная русская душа въ Писаревѣ познала впервые свою свободу и заявила о своей полной индивидуальности.

Писаревскія страницы до сихъ поръ увлекаютъ своимъ пламеннымъ пафосомъ, своей обрѣтенной вѣрой въ истину, своимъ молодымъ огнемъ и задоромъ. Какъ-же должны были онъ увлекать въ ту пору, когда ихъ истины казались безспорными, когда, казалось, найдены рѣшенія всѣхъ волнующихъ вопросовъ и трезвый реализмъ его точки зрѣнія казался послѣднимъ словомъ, магическимъ ключомъ, открывавшимъ всѣ загадки и тайны, освобожденной отъ нихъ трезвой, реалистической мысли. Отсюда весь успѣхъ Писарева, то, что его не только читали, но буквально имъ зачитывались. Синтезизъ его дѣятельности сталъ возможенъ лишь тогда, когда самъ Писаревъ отошелъ въ область прошлаго, когда улеглись всѣ страсти и волненія, и довлѣющая злоба дня потеряла свою остроту. Тогда только стало яснымъ, что писаревскій гений, такъ быстро просіявшій и быстро угасшій, совершилъ *свое* дѣло. Это дѣло явилось дѣломъ разрушенія, того разрушенія, на развалинахъ котораго всходитъ новая жизнь и создается новое строительство. Отъ разрушителя Писарева къ новымъ строителямъ лежитъ одна и та же прямая дорога, по которой, въ неизмѣнномъ движеніи впередъ, идутъ уже ряды поколѣній. Писаревъ одно изъ звень, соединяющихъ ихъ непрерывную цѣпь.

Н. Носковъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Выпускъ первый.

	Стр.
Зима. Стихотвореніе П. Гаврилова-Лебедева	1
На высотѣ. Разсказъ А. Серафимовича	3
Новый годъ. Стихотвореніе Ю. Зубовскаго	9
На Новый годъ. Стихотвореніе П. Гаврилова-Лебедева	9
Родня. Разсказъ И. Н. Потапенко	10
Завѣщаніе. Посмертное стихотвореніе А. К. Шеллера-Михайлова	17
Васильки. Стихотвореніе А. Рославлева	17
Плѣнный. Разсказъ С. И. Гусева-Оренбургскаго	18
Ярко, ярко свѣтитъ солнце.. Стих. Г. А. Галиной	23
Психея и Прозерпина. Разсказъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	24
Парижъ. Очеркъ Анатолія Каменскаго	32
Жертвы войны. Юморескъ Ф. Червинскаго	34
Счастье. Стихотвореніе Якова Година	35
Подъ шопоть грѣзь. Ноты. Вальсъ, навѣянный картиной Ф. Лефлера. Соч. Э. И. Дубинина	36
Новогоднія упованія. Статья Вл. Новоселова	38
Памяти Д. И. Писарева. Статья Н. Носкова	40

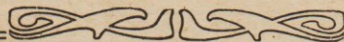

КАРТИНЫ: 1. У омута. Картина въ краскахъ Левитана. 2. За бамбуковой шторой. Картина въ краскахъ Я. Р. Гаикинса. 3. Ноктюрнь. Автотипія съ картины Фохклерера. 4. Поэтъ. Автотипія съ картины Сальватора Роза.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“ считаетъ долгомъ напомнить лицамъ, пользующимся разсрочкой платежа, объ аккуратномъ взносъ денегъ.

Деньги должны быть получаемы конторой отъ иногороднихъ подписчиковъ не позднѣе полагающагося срока, такъ какъ не поступающій въ розничную продажу журналъ „ПРОБУЖДЕНІЕ“ печатается въ количествѣ экзмп яровъ, не превышающемъ числа подписчиковъ, и потому позднія заявленія о желаніи продолжать подписку, за неимѣніемъ достаточнаго количества слѣдующихъ №№ и приложений, приняты, ни въ коемъ случаѣ, не будутъ. Г.г. иногородніе подписчики при высылкѣ денегъ благоолятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли и указать, что деньги высылаются въ уплату за журналъ.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

Л. Н. 100
28/339/489

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ

Порядокъ и время выдачи художественныхъ приложений
къ журналу „ПРОБУЖДЕНІЕ“ въ 1915 году.

15-го Марта (съ № 6 журнала „Пробужденіе“):

1. **Солнце взошло.** Большая стѣнная картина въ краскахъ италянскаго художника Герцони.
2. **Дѣвушка съ голубями.** Гелиография съ картины художника Ш. Шапленъ.

15-го Іюня (съ № 12 журнала „Пробужденіе“):

1. **Пако-барельефъ** „Дикія утки“ — Ел. Магюръ.
2. **Пано-барельефъ** „Морскіе окуни“ — Ф. Эрая.
3. **„Послѣ танца“** горельефъ съ карт. Годварда.

Въ Сентябрь, Октябрь и Ноябрь:

1. **Юбилейное изданіе сочиненій** (по случаю 50-лѣтія со дня смерти) извѣстнаго русскаго писателя

М. И. МИХАЙЛОВА

въ 3-хъ изящн. переплетахъ съ золотымъ тисненіемъ.

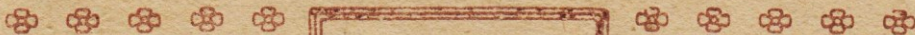
2. **Стильный японскій альбомъ**, съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ золотымъ тисненіемъ.

1-го Декабря (съ № 23 журнала „Пробужденіе“):

1. **Подъ шопоть грезь.** Большая стѣнная картина въ краскахъ художника Ф. Лефлера.
2. **Атласный гобеленъ** (картина на атласѣ) въ стилѣ Людовика XVI-го.

№№ журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“ выходятъ въ свѣтъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца и рассылаются городскимъ подписчикамъ въ тотъ же день, а иигороднимъ въ періодъ до 5 дней со дня выхода въ свѣтъ.

Комитора журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50 -
24 нн
120427/1189

1915 г. Продолжается подписка на 1915 г. 10-й годъ
на двухнедельный, 10-е изданія

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Гг. подписчики получаютъ въ теченіе 1915 года:

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО ЖУРНАЛА „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ: въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, портреты и друг.

12 КНИГЪ, ВЪ 3-ХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ СЪ ЗОЛОТЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ, ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ (по случаю 50-лѣтія со дня смерти) **М. И. МИХАЙЛОВА.**
Книги романовъ, рассказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:
1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ** въ стилъ Людовика XVI-го. Картина на атласѣ Буше.
2. **ПОСЛѢ ТАНЦА.** Изящный стѣнной горельефъ художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:
ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ „Дикія утки“. **ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ „Морскіе окуни“.**
Художникъ: Ел. Магюръ и Ф. Эрал. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:
Дѣвушка съ голубями. ГЕЛЮГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ художника Ш. Шаплень. Размѣръ 47×68 сант.
Стильный японскій альбомъ съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тисненіемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ знаменитаго итальян. худож. **СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!** работы пост. Дв. Е. И. Велич. Голіке и Вильб. **ГЕРЦОНИ.** Размѣръ 62×80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года **ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ** известнаго художника **ПОДЪ ШОПОТЬ ГРѢЗЪ** Ф. Лефлера. Размѣръ картины 63×88 с.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб.; на второе полугодіе 5 руб. и 3 мѣсяца 2 руб.; на три мѣсяца 2 р. 50 коп. На меньшія сроки подписка не принимается. За границу 12 руб.
Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.
Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.
Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.